

Швейцарец. Война

Автор:

Роман Злотников

Швейцарец. Война

Роман Валерьевич Злотников

Фантастика. Альтернативная история Швейцарец #4

Алекс Штрауб, невольно ставший путешественником во времени, приложил множество усилий для того, чтобы изменить будущее. После нескольких попыток, каждый раз делавших «наше время» всё более и более удручающим, ему в голову приходит идея временно перенести с собой в будущее Иосифа Виссарионовича. Поправив здоровье вождя и предоставив ему информацию о возможных вариантах развития истории, его возвращают обратно. И вот уже СССР подходит к началу Второй мировой войны в полной боевой готовности. Но возможно ли переломить ход великой войны, даже будучи хорошо информированным? Ведь каждый новый шаг Сталина рождает и новые последствия, предсказать которые весьма затруднительно...

Роман Валерьевич Злотников

Война

© Злотников Р.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

- Шентя затёртая, жердина Зевесова...

- Това-арищ майо...

- Молчать! Шелупина клоповская, вошь отшмаренная...

- Ну това-а...

- Молчать, я сказал! Залуполизы, пальцем деланные...

- Кх-хы-хым! – стоявший позади командира пятьсот девяносто первой отдельной эскадрильи высотных перехватчиков ПВО заместитель комэска по пилотированию капитан Кушарёв громким кашлем попытался привлечь внимание своего начальника. Потому как, в отличие от него, увидел подходящего к ним начальника штаба второй воздушной армии полковника Вершинина. Но майор Лобанов самозабвенно обкладывал стоящий перед ним экипаж классическим Большим Петровским загибом.

- Струменты поломанные, мондавоши Папы Римского...

А начальство между тем подходило всё ближе и ближе. Капитан задёргался.

- Эээ... командир, тут...

- Вертоплясы, на рог с яйцами взоткнутые...

И Кушнарёв понял, что обычными средствами этот поток не остановить. Поэтому он набрал полные лёгкие воздуха и отчаянно заорал:

- Сми-и-ирна! – после чего вскинул руку к пилотке, и, старательно бухая сапогами по примятой траве, двинулся навстречу уже почти подошедшему вплотную начальству.

Подвиг замкомэска не пропал даром. Увлечшийся разносом майор Лобанов вздрогнул, резко развернулся и-и-и, шумно выдохнув, в свою очередь, вскинул

руку к виску.

– Товарищ полковник, в пятьсот девяносто первой отдельной эскадрилье проходит разбор полётов...

– Да уж, слышу, – усмехнулся начальник штаба. – И, должен сказать, подобного детального, чёткого и, главное, информативного разбора полёта мне пока ещё за свою жизнь слышать не приходилось. Откуда дровишки, майор?

Комэск и так был весь багровый, а после этого вопроса побагровел ажно чуть не до лиловости. Но начальство спросило, так что надо было отвечать. Лобанов зло зыркнул на двух молодых сержантов, которых только что распекал, и нехотя сообщил:

– Я ж это, до назначения на отдельную эскадрилью в семьдесят первом истребительном авиаполку служил.

– Балтиец, значит, – понимающе кивнул полковник, после чего перевёл взгляд на сержантов.

– Ну что, молодцы, рассказывайте, как вы умудрились новый самолёт угробить.

Лицо комэска, начавшее постепенно приобретать более естественный цвет, снова полыхнуло багровым. Левофланговый сержант поёжился и, бросив отчаянный взгляд в сторону комэска, тихо пробурчал:

– Так это... он же почти на четырнадцать тысячах шёл. Вот и перемерзло всё... и краны выпуска шасси тоже... и сигнализация... даже приборы не работали! На глазок садиться пришлось...

– Товарищ полковник, это – моя вина! – тут же влез капитан Кушнарёв. – Я их без «провозного» на перехват выпустил. Машина-то, считай, знакомая, по большому счёту только движки новые, ну и кое-какое оборудование... А так – в целом, всё тот же «Су-3». Вот я и решил... Виноват!

– Это точно, – кивнул Новицкий. – Виноваты. Все четверо. И задачу не выполнили, и самолёт разбили.

– Так он же аж на четырнадцати тысячах шёл, – вступил в разговор второй сержант. – А у «Су-3ПВ» предельный потолок по документам только двенадцать тысяч.

– И чего вы тогда выше полезли? – резонно поинтересовался полковник.

– Думали, достанем, – угрюмо отозвался первый сержант. – И почти достали. Я даже очередь успел дать, до того как в штопор свалился...

– Ты посмотри?! – делано изумился Вершинин. – Прямо орёл! И толку с твоей очереди?

Ни полковник, ни сержанты, ни все остальные присутствующие даже не подозревали, что та единственная очередь, которую умудрился дать экипаж сержантов, оказалась решающей... Нет, высотный разведчик «Юнкерс-86» получил весьма незначительные повреждения. И вполне себе ушёл на свою территорию, всего через час после того короткого боестолкновения успешно приземлившись на базовом аэродроме группы Ровеля, расположенном неподалёку от Варшавы. Залп батареи из четырёх мощных четырнадцати с половиной миллиметровых пулемётов, которыми высотный перехватчик вооружили в первую очередь из-за их хорошей настильности, вызванной высокой начальной скоростью тяжёлой пули, достигавшей тысячу метров в секунду, в силу весьма неустойчивого положения дал слишком большой разлёт. Так что из сорока пуль полного секундного залпа в «Юнкерс» попало всего лишь три. И две из них, являвшиеся обычными Б-32, просто прошили на вылет алюминиевый фюзеляж, не нанеся при этом никаких значимых повреждений, а вот третья... Ленты четырнадцати с половиной миллиметровых пулемётов обычно снаряжались попеременно патронами с обычными пулями и с зажигательными пулями мгновенного действия. Последние были дороги, поэтому чаще всего в ленте на три-четыре обычных Б-32 приходилась одна МДЗ. Это было вполне нормально. Даже Б-32, попав в уязвимую точку, например тот же двигатель, прошивала насквозь блок цилиндров, круша и стенки блока, и поршень, и даже шатун, будучи он попадёт на пути, а также напрочь перешибала нервюры крыла и ломала силовые фермы фюзеляжа... Но МДЗ была куда эффективнее. При её попадании просто в обшивку в последней образовывалась дыра диаметром до сорока сантиметров. Не хуже, чем от попадания снаряда двадцатимиллиметровой автоматической пушки. Но в этот раз то ли из-за слишком низкой температуры и разреженности воздуха на столь большой

высоте, то ли просто вследствие небольшого брака пуля сработала не совсем штатно. И прошла обшивку насквозь, почти никак ей не повредив. А сработала лишь тогда, когда ей на пути встретился куда более прочный и массивный объект, нежели тонкий алюминиевый лист. Этим объектом оказался аэрофотоаппарат Rb 75/30. И вот тут-то она и показала себя во всей красе, расколов литой контейнер с массивной кассетой и напроочь спалив находящуюся в нём бобину с плёнкой. Так что, несмотря на вполне успешное возвращение на аэродром, данный вылет оказался для немецких асов воздушной разведки совершенно провальным. Боевая задача оказалась не выполнена, и немецкое командование так и не получило последние, самые свежие данные о ситуации с той стороны границы. Что буквально через сутки доставило немцам целую кучу проблем. Но, увы, здесь и сейчас никто об этом даже не догадывался...

- Ладно - как быстро машину восстановить сможете?

- Сутки! - отрезал комэска.

- О как! Даже заключения инженера не дождёте? - удивился полковник. - Ну, добре... приму этот срок. Ладно, занимайтесь, майор, - и, кивнув, развернулся и двинулся в сторону бревенчатой вышки управления полётами.

Здесь, на недавно присоединённых к СССР территориях, советские войска вообще обустроивались, как правило, на скорую руку, предпочитая не вкладываться в капитальные строения. То есть, в лучшем случае, части и подразделения занимали казармы и объекты бывших царской и польской армий, а те, кому их не хватило, размещались во временно приспособленных для этого помещениях. Те же части и соединения, которые прибыли в округ весной и в начале этого лета, вообще обычно располагались в простых палатках и землянках... Да и с капитальными оборонительными сооружениями никто тоже особенно не заморачивался, предпочитая вместо одного бетонного дота обустроить десяток дзотов и вырыть лишние полкилометра траншей и ходов сообщения. Тем более что в отличие от бетонного дота, требовавшего для своего строительства дефицитных цемента и арматуры, а также работы специально подготовленного личного состава и использования спецтехники - от бетономешалок до кранов, ДЗОТы, и уж тем более траншеи с окопами и блиндажами, вполне можно было оборудовать в рамках плановых занятий по инженерной подготовке. Что, кстати, и делалось. Вследствие чего основных, фланговых, запасных и отсечных позиций за прошедшие полтора с лишним года личный состав этих дивизий нарыл туеву хучу. Всё это привело к тому, что даже

отдельные роты и батальоны всех этих дивизий были способны, при необходимости, очень быстро выстроить оборону почти в любом направлении. В том числе и круговую...

Вот и на этом аэродроме, вместо обустройства капитальных ангаров и бетонной или кирпичной вышки управления полётами, ограничились земляными капонирами и бревенчатой вышкой. Несмотря на то что данный аэродром был одним из первых, на которые забазировались советские самолёты. Да что там вышка – даже бетонную полосу не стали делать. Хотя аэродром вследствие того, что на нём к июню сорок первого размещалось под три сотни самолётов нескольких авиационных частей, считался узловым. Правда, в настоящий момент от этого числа на аэродроме осталось, дай бог, два десятка. И в основном из числа прикомандированных. Ну как их эскадрилья. Местные же почти все разлетелись. Учения, мать их... Ещё в прошлое воскресенье начались. Двадцать второго июня. Причём по условиям, максимально приближенным к боевым. Даже боезапас и топливо на «точки подскока» завозились регулярно. И маскировка каждый день проверялась аэрофотосъёмкой. Причём по-серьёзному. По слухам, одного комэска за нарушения мер маскировки уже сняли. Нет, самолёты-то он замаскировал нормально, но вот то, что техники и пилоты после постирушек свои нижние рубахи по соседним деревьям развесили – не проконтролировал. И всё – вся карьера у человека псу под хвост ушла...

Так что начальник штаба второй воздушной армии не просто так торчал здесь всю эту неделю, а по очень важным причинам. Но молодым лётчикам от этого было не легче...

Когда начальство удалилось на достаточное расстояние, комэска развернулся в сторону сержантов и несколько мгновений молча буравил их тяжёлым взглядом, а потом картинно сплюнул и припечатал:

– Значица, так – на ближайшие сутки поступаете в распоряжение инженера эскадрильи. Спать, есть, срать – только когда он отпустит. Всё остальное время – пахать, пахать и пахать. Через сутки самолёт должен быть в строю. Вопросы?

– Никак нет! – дружно грянули сержанты. Комэска сурово кивнул и, развернувшись, широким шагом двинулся в ту же сторону, в которую минутой раньше удалился начальник штаба воздушной армии. Капитан Кушнарёв молча показал всё ещё стоящим навытяжку сержантам кулак и поспешно устремился вслед за своим непосредственным начальником.

- Вот и получили по ушам, - в сердцах бросил сержант Вольский, состоявший в составе «героического» экипажа в должности штурмана наведения, а попутно и бортстрелка. - А всё ты - дотянем, дотянем... Слава богу, вообще не разбились.

- Так ведь дотянули же, - вздохнул сержант Чалый, имеющий честь состоять в том же экипаже, что и Славка Вольский, только в должности командира оного.

- Толку-то... - Славка сокрушённо махнул рукой. - Только самолёт разбили.

- Ладно, пошли искать инженера.

- А чего его искать? - улыбнулся Вольский. - Вон он - вокруг нашего самолёта уже крутится. Со своими «колдунами».

«Колдунами» в эскадрильи называли старший техсостав, входивший в, так сказать, ближний круг инженера эскадрильи - старшего техника, старшего оружейника, начальника кислородной станции и техника по обслуживанию бортовых сетей и оборудования. Высотный перехватчик «Су-ЗПВ» был машиной сложной, буквально обвешанной различным современным оборудованием. Причём, по большей части, секретным. Поговаривали, что на него собирались ставить даже радиолокатор, для обращения с которым в первую очередь как раз и был предназначен штурман наведения. Даже отсек под него имелся. В носу фюзеляжа. Но пока никакого радиолокатора на самолётах эскадрильи не стояло. Только оптико-механический прицел. Пусть и весьма сложный. Отсек же использовался для размещения парочки дополнительных баллонов с кислородом, благодаря которым, кстати, двум сержантам и удалось забраться так высоко... Так что «Су-ЗПВ» ни разу не был массовым самолётом. И состоял на вооружении лишь нескольких отдельных эскадрилий высотных перехватчиков ПВО, штаты которых предусматривали куда большее количество технического персонала, нежели это было принято в других подобных подразделениях. Впрочем, и другие варианты этой машины - «Су-ЗПД», представлявший из себя лёгкий скоростной дальний бомбардировщик-пикировщик, и «Су-ЗР», являющийся дальним скоростным разведчиком, тоже нельзя было назвать простыми машинами. Но по сравнению с «Су-ЗПВ» они были всё-таки чуток попроще.

Инженер встретил их насмешливым:

– Ну что, герои, вляпались?

Оба сержанта насупились и отвели взгляд.

– И чего вас так высоко понесло-то? Сами ж знаете, что выше двенадцати тысяч на этой машине забираться запрещено. А вы куда попёрли?

– А чего его, отпускать, что ли, было? – огрызнулся Чалый. – Сами же знаете: в прошлую пятницу приказ зачитывали – валить всех.

– По возможности, товарищ сержант, по возможности! – влез техник по обслуживанию бортовых сетей и оборудования. – А где вы эту возможность углядели-то? Я вообще удивляюсь, как вы прямо оттуда не грохнулись! У вас же ни один прибор не работал. Даже триммеры и те заклинило!

– Это просто повезло им, – вступил в разговор старший техник, вытирая руки куском ветоши. Сегодня эвон как солнце жарит – под тридцать градусов температура. Вот у них и получилось технику обмануть. Коль день похолоднее оказался бы – ещё с тринадцати тысяч звезданулись бы и крякнуть не успели.

Сержант Чалый ещё сильнее насупился, но промолчал. А что тут скажешь – так оно и было. Согласно инструкции, оборудование самолёта рассчитано на работу при температуре не ниже минус пятидесяти градусов. А каждый километр высоты – это падение температуры на шесть градусов. Так что будь сейчас погода похолоднее – градусов хотя бы двадцать, эти минус пятьдесят они поймали бы уже на двенадцати тысячах. После чего всё – амба! Нет, кое-какой запас прочности у приборов и механизмов самолёта, возможно, и имелся, но... самолёт-то был новый. И не просто новый, а новейший, то есть летающий на таких высотах и скоростях, на которых раньше никто в СССР и не летал. Ежели только какие уникальные рекордные машины. Так что даже в обычных полётах регулярно случались какие-то косяки – то одно откажет, то другое. А тут они его загнали на такую немыслимую высоту и в дикий холод...

– Ладно, чего уж там теперь, – добродушно махнул рукой инженер. – Главное – всё-таки сели. Пусть и на брюхо. А машину на крыло поставим. Вас ведь комэска нам в помощь отправил?

– Так точно! – хором отозвались оба сержанта. А старший техник несколько картинно поморщился. Ну не одобрял он возрождения старых царских порядков в армии – личные звания, «так точно» всякие... Так, глядишь, и, не приведи бог, погоны додумаются вернуть! Зря всё это сделали, зря, кто бы там что ни говорил...

– Ну, значит, бегом переодеваться, потом в столовую – знаю, что после полёта сильно жрать хочется... Ну а после еды – милости прошу к мастерским. Мы за это время как раз самолёт на шасси подыдем и туда отбуксируем, – и сразу же, без перехода, заорал подъехавшему к самолёту крану:

– Ну куда ты прёшь, куда прёшь?! Справа подавай. К движку. Задницей. На хрен хвост! До хвоста ещё пахать и пахать! Нам ещё закушенные стойки шасси выбивать!

Когда два молодых сержанта скрылись из глаз, стоявший рядом с инженером техник-оружейник покачал головой.

– Зря на них, батя, собак спустил. Всё-таки молодцы парни. Сели на машине, у которой большая часть оборудования не работала. Вот помяни моё слово – Чалый ещё себя покажет.

– Может, и зря, – задумчиво кивнул военинженер. – Но самолёт-то они разбили!

– И что? Я вон с техниками из числа местных, ну тех, кто остался, поговорил – так они мне такого понарасказывали... За прошлый год и начало этого только на этом аэродроме четырнадцать лётных происшествий было. Восемь машин – вообще вдребезги разбили. В хлам! Остальные, правда, смогли починить, но возни с ними было...

– Ух ты! Это кто тебе такое наговорил? Брешут, наверное. Сам же знаешь, как начальство за лётные происшествия взгревает! Вон, прошлом году, когда мы высотные самолёты только осваивать начали, Шумшин из второго звена такого «козла» на посадке отмочил, что правая стойка подломилась – сколько мы за это отписывались? Три месяца или четыре? Да и потом нас ещё полгода на каждом совещании за тот случай раком ставили. А ты говоришь «четырнадцать»... Да за такое всему местному руководство матки наизнанку бы вывернули! И задницы

под три дюйма раздуплили! А я что-то такого ни от кого не слышал. Да и в приказах тоже ничего подобного не припомню. Так что точно врут...

Их эскадрилья организационно входила в состав Московской зоны ПВО и сюда, в Белорусский особый военный округ, была переброшена только в начале июня. После того как полёты немецкой разведывательной авиации резко интенсифицировались. И когда немцы стали использовать для разведки новую технику, достать которую авиация округа не имела технической возможности.

- Да нет, - техник-оружейник мотнул головой, - вряд ли. Мне не кто-то один рассказывал - многие. Просто весь прошлый год здесь столько летали, сколько в прежних местах дислокации, дай бог, лет за пять получалось. И при низкой облачности. И ночью. И с полевых площадок. Вот ты как думаешь - отчего мы здесь уже, почитай, неделю одни-одинёшеньки кукуем? И не только в учениях дело. У нас же ведь тоже учения проводились, но мы всегда летали со своего аэродрома. А здесь - не так. Здесь учения - это всегда перебазирование. И летают они с таких площадок, на которые «По-2» не всегда сядет. Отсюда и происшествия! И - ничего. Никого не посадили и даже не сняли. Максимум «строгача» вlepили - и всё! - техник сделал паузу, а затем снова повторил: - Так что зря «батя» с ними так сурово.

Инженер усмехнулся.

- Так и «батя» тоже никого не снял и не посадил. И даже «строгача» не впалял. Только сеанс «трудотерапии». И-и-и... всё, хватит языком чесать! Самолёт сам себя на крыло не поставит...

Работать закончили около часа ночи. За это время самолёт успели «раскидать» почти полностью. После чего провели дефектовку, выписали со склада недостающие детали и уже начали собирать обратно. Повреждения оказались не такими уж и большими, и запчасти «под замену», типа тех же винтов и тяг изменения шага, на складе пока имелись. К тому же инженер подтянул большую часть остального технического состава, потому как более сегодня полётов не предвиделось. Вследствие чего и рабочих рук также оказалось вполне достаточно. Так что, по большому счёту, лётчики здесь были вообще не пришей кобыле хвост. Но раз комэск приказал - деваться было некуда. Да и вообще, инженер решил, что пусть парни повозятся в бензине и смазках и на своей шкуре почувствуют, каково это быть техником. От этого точно никому хуже не будет. Но около часа инженер приказал «шабашить»...

– Товарищ военинженер, а почему бы не сделать так, чтобы самолёт и на высоте в четырнадцать километров вполне себе работал? – поинтересовался неугомонный Вольский, когда они, наскоро ополоснувшись в летнем душе, обустроенном техниками рядом с мастерской в сбитой из горбыля будочке, уже двигались в сторону палаток. – Вы ж вон как всё понятно рассказывали, отчего что сломалось. Неужто конструкторы этого не знают?

– Ха! – устало хмыкнул инженер эскадрильи. – Знать-то знают, да только знать и суметь это сделать, парень, очень большая разница. Смотри – провести обогрев не только в кабину и к передней кромке крыла, но и хотя бы к самым важным узлам – это сколько надо трубок для подачи горячего воздуха дополнительно проложить? А сколько они весить будут? А дополнительная теплоизоляция? С температурами ниже тридцати градусов всегда такая морока. Каждые лишние пять градусов большой маеты требуют... Вот оно и получается – для того чтобы машина на пару тысяч метров выше действовать могла – её дополнительно чуть ли не тонной всяких материалов и оборудования подгрузить надобно. А как ты думаешь, если ей тонну веса добавить, то она с этими двигателями на какую высоту забраться сумеет? Да вообще хотя бы до двенадцати тысяч нынешнего максимального потолка поднимется? И какая у неё скорость при этом будет? Догонишь ты тогда хоть кого-нибудь?

– Немцы же летают, – буркнул Чалый.

– Э-э, родной, немцы – это немцы. У них технологическая культура куда как выше будет. И конструкторская школа тоже.

– Так мы ж тоже смогли! – воскликнул Славка.

– Ты не путай, – махнул рукой военинженер. – Вы, считай, на четырнадцать тысяч только подпрыгнули. Высунулись, дали одну-единственную очередь и тут же вниз посыпались. А они на этой высоте полчаса от границы вполне себе спокойно шли, потом ещё, почитай, час над нашей территорией крутились, прежде чем вы подтянулись. И ничего у них не ломалось и не отказывало. Нормально летели.

Вольский замолчал. И молчал всю дорогу до палатки. Что для него было совсем не характерно. Если бы Чалый так не устал, он бы, наверное, точно подколот друга по этому поводу. Но сейчас ему было совсем не до подколок. Потому как

устал он дико, до дрожи в руках и ногах. Тот ещё денёк выдался... Но когда они уже устроились на лежаках, Славка, наконец, ожил и задумчиво спросил:

- Виталь, а как думаешь – немцы нападут?

Чалый на мгновение замер, а затем со вздохом ответил:

- Да кто его знает? Вероятность есть. Недаром, когда мы только прилетели, местные ребята рассказывали, что их с мая месяца, считай, каждую неделю по ночам «в ружье» поднимали. Да не просто так – лишь построились и разошлись, а раз через раз, с погрузкой топлива и боезапаса на несколько вылетов и последующим выдвиганием на «точки подскока». А неделю назад и вообще всех по «площадкам» разогнали. Хотя, например, прошлым летом такого не было. Да и нас тоже, как мы сюда перебазировались, так же регулярно дёргают. Значит, начальство чего-то опасается. Ну и вот думай...

- А комиссар говорил, что вероятность этого небольшая, – с затаённой надеждой в голосе не согласился Славка. – Мол, времени мало осталось до осени. Июнь-то уже закончился, считай! Сегодня двадцать восьмо... то есть уже двадцать девятое.

- Вот именно, – сердито пробурчал Чалый. – А ты мне спать не даёшь. Спи давай. Завтра вставать ни свет ни заря. Вернее, уже сегодня...

Но выспаться у них не получилось. Из сна их выбросило рёвом тревожной сирены.

- А-а-ауа, – зевнул Вольский и досадливо сморщился. – Блин, опять тревога. Хрен теперь выспимся! Виталья, а мож нам не вставать... Самолёта-то у нас нет. Так что бежать некуда!

- Вставая давай, – недовольно буркнул Чалый. – Самолёт у нас есть. Хоть и небоеспособный. А если наши с утра на вылеты пойдут, то такой толпы как вчера вокруг него точно не будет. Техники своими машинами заниматься будут. А комэска на возвращение самолёта в строй всего сутки дал. Так что – ноги в руки и вперёд: арбайтен, комераден!

– Да ладно – точно же опять учебная! – скептически сморщился Славка. – Да и даже если боевая – сколько вылетит? Пара! Ну максимум дежурное звено. Хотя это вряд ли. Я уже и забыл, когда звено на перехват подымали...

– Кончай болтать, – отрезал Виталий, затягивая ремень и откидывая полог палатки. – Шнелль к самолёту!

– Иду уже, – обиженно отозвался Вольский. – И нечего тут своим немецким щеголять. Ну не даётся он мне...

– Заниматься надо лучше, – бросил Чалый. – Полугодовой зачёт по немецкому на носу, а ты когда последний раз учебник открывал? Ох, не сдашь ты командирскую подготовку.

Славик насупился, но, ничего не ответив, быстро намотал портянки и, сунув ноги в сапоги, выскользнул из палатки вслед за другом.

То, что тревога не учебная, стало ясно, едва только они добежали до своей машины. Вокруг никого не было. Зато со стороны самолётных стоянок доносились стуки и лязганье.

– Чего это? – удивлённо произнёс Славка. – Всю эскадрилью, что ли, поднимают?

Их аэродром располагался почти в семидесяти километрах от границы. Далековато, но «Су-ЗПВ» был машиной скоростной и весьма скороподъёмной. Да и радиус действия у него был вполне приличный. Шестьсот пятьдесят километров! А перегоночная дальность с подвесными баками вообще за две тысячи зашкаливала. Так что перехватывать немцев, чешущих от границы вглубь, они вполне успевали. Да и тех, что над самой границей «безобразничали», тоже. Тем более что их поднимали, как правило, только тогда, когда «партнёры по договору о ненападении», как их вежливо именовала советская пресса, запускали на разведку что-то совсем серьёзное. Типа того же высотного «Юнкерса-86», на перехват которого они вчера так неудачно слетали. С остальными целями типа тех же «Хейнкелей» или «Дорнье» в разведывательном варианте вполне себе справлялись и местные «мигари», дислоцированные ближе к границе. А то и обычные строевые «И-161» и «Яки» с «ЛаГГаами». «Серьёзного» же у немцев было немного. И использовалось оно поодиночке. Так что на перехват обычно вылетали не более чем парой.

Максимум звеном. Но это только если требовалось перекрыть «немцу» отход по совсем уж широкому фронту. Но не более. Сейчас же, похоже, к вылету готовилась вся эскадрилья. Все четырнадцать самолётов, включая машину комэска и его зама. Вернее, тринадцать. Их-то самолёт пока пребывал в полуразобранном состоянии...

– Ааа, здесь уже? Хорошо!

Сержанты одновременно развернулись и уставились на подбежавшего к ним инженера эскадрильи.

– Давайте-ка дуйте к Филиппычу. Получите у него два брезентовых чехла. Будем над вашим «инвалидом» светомаскировочный тент натягивать. К утру надо его уже на крыло поставить.

– А что случилось-то, товарищ военинженер?

Инженер эскадрильи окинул задавшего вопрос Вольского раздражённым взглядом, но нехотя ответил:

– Немцы. Бомбардировщики. ВНОС сообщили. И много. Не меньше эскадрильи. А то и полк. На Минск идут. И без истребительного прикрытия. Ну да это понятно – у немцев истребителей с радиусом действия, которого до Минска хватит, – хрен да ни хрена. Если только «сто десятые». Да и те на пределе... Поэтому поступила команда поднимать всех и идти наперехват. С нашей лобовой батареей бомбардировщики бить – самое милое дело.

– Так это что, война, что ли? – слегка севшим голосом уточнил Вольский.

– Не знаю, – после короткой паузы отозвался военинженер. – Но другой причины, почему бомбардировочный полк пошлют бомбить крупный город, расположенный аж в трёхстах пятидесяти километрах от границы, не вижу.

– Чёрт! – Виталий сорвал с головы шлемофон и жажнул его о землю. – Ну вот почему всегда так! Все в бой, а мы на земле...

– Так, товарищ сержант, прекратили истерить и быстро исполнять моё распоряжение, – рявкнул военинженер. – Сейчас техсостав эскадрильи выпустит машины и сюда подойдёт заниматься вашим самолётом, а у нас ещё ничего не готово.

В этот момент со стороны уже различимых в поредевшем предрассветном сумраке самолётов эскадрильи послышался резкий «чих», потом ещё, а затем правый мотор стоявшего первым в шеренге самолёта комэска сочно зарокотал. И почти сразу же вслед за ним в симфонию ночного запуска стали вплетать всё новые и новые ноты и другие самолёты эскадрильи. Чалый несколько мгновений сверлил неясные силуэты чужих машин завистливым взглядом, а затем резко развернулся и едва ли не бегом устремился в сторону сбитого из горбыля сарая полевого склада, являвшегося «берлогой» старшего интенданта отдельной эскадрильи высотных перехватчиков ПВО Осипа Филипповича Бали. «Су-3ПВ», несмотря на свои выдающиеся характеристики (а вернее, именно вследствие их), был машиной весьма капризной. Так что запчастей ему требовалось много. Причём возможность получить их с местных складов являлась весьма иллюзорной. Потому как самолётов подобного типа на вооружении округа не имелось. Ну, если только разведчики... Но даже если и нашлось бы что подходящее – кто бы им эти запчасти выдал? Потому как «Су-3» в любых вариантах был машиной редкой. И с запчастями на неё, вследствие этого, было довольно туго. И если снабжать «варягов» – что своим-то останется? Отдельная же пятьсот девяносто первая эскадрилья для округа была именно что «варягами»...

Собрать самолёт сумели только к девяти утра. Хотя все, кто трудился, работали самоотверженно. Просто уже через полтора часа после вылета самолёты эскадрильи вернулись обратно, и сразу же поступила команда готовить их к следующему полёту... Впрочем, работать все бросили, ещё когда в небе появились первые машины. Полтора десятка напряжённых пар глаз тут же начали тревожно вглядываться в синеву, а губы шевелились, пересчитывая заходящие на посадку самолёты.

– Одиннадцать? – обиженно выдохнул Павленко, техник командира первого звена старшего лейтенанта Коробочки, когда первые машины уже покатались по лётному полю. – А где ещё двое? Сбили?

– Типун тебе на язык! Может, отстали или горючее на исходе было – так что пришлось к соседям садиться. Не каркай попусту, – сердито рявкнул инженер

эскадрильи, после чего деловито продолжил: – Так, Семёныч – остаёшься за старшего, – приказал он старшему технику. – Остальные – бегом к самолётам.

– Так ведь я тоже... – вскинулся было тот, но военинженер его прервал: – Остаёшься, я сказал! Ремонт продолжить! Как машины обслужим – снова вернёмся, а пока сами. То есть ты, крановщик и пилоты. Больше пока никого выделить не могу.

Но, несмотря на это, ремонт остановился. Просто у всех, кто остался, всё валилось из рук. Так свербело сбегать узнать, как прошёл первый боевой вылет эскадрильи.

Положение спас Толик Белоусов, ведомый командира третьего звена, с которым Виталий учился в лётном училище и который пришёл, как он сказал, «проведать бедолаг». Новости не обрадовали. Два самолёта действительно оказались подбиты, но, как уже сообщили, им удалось сесть на один из аэродромов, расположенных ближе к Минску. Нашим тоже удалось завалить два «Хейнкеля». Правда, «наглухо». Но всё равно для столь «полигонных» условий, когда атака на бомбардировщики происходила в отсутствие истребительного прикрытия размен «два на два» уж точно не мог считаться впечатляющим результатом.

– Они ж, сволочи, едва нас заметили – так сразу плотный строй сбили! – возбуждённо размахивая руками, вещал Толик. – И как начали садить из пулемётов... Кольку как раз так и подловили! Он над ними низко пошёл – так от его машины только ошмётки полетели. Ну ещё бы – почти тридцать стволов!

– А чего ж издаля не били? – набычился Чалый. – Совсем наставление по воздушной стрельбе из головы вылетело, что ли?

Для вооружения «Су-3ПВ» дистанция семьсот метров считалась штатной дистанцией открытия огня. Тяжёлая пуля с высокой начальной скоростью и сложный оптико-механический прицел, в который можно было вводить поправки, на такой дальности вполне позволяли поразить цель размером с самолёт. А эти чудики полезли на короткую дистанцию...

– Да били, – с сожалением произнёс Толик. – Как раз с семисот метров и начали. И этих двух мы так и завалили, – продолжил он. – Метров с шестисот-пятисот. Только у них скорость чуть ли не на двести километров меньше нашей. Никто и

подумать ничего не успел, как мы уже над ними оказались! Пять секунд – и всё!

– А «батя»-то что молчал? – влез Славка.

– Да «батя» не молчал, – вздохнул Толик. – Он всё правильно скомандовал. Но хрен там кто успел среагировать. Я и сам ручку на себя подал, только когда немецкие пули по плоскостям забарабанили. А до того – как окаменел... Но машины у нас – вещь! Живучие! Колькиной «семёрочке» такие дыры в плоскостях и брюхе наделали – а всё равно сесть смог. Уже звонил, сообщил, что нормально приземлился. Только ранен...

Через два с половиной часа эскадрилья вновь ушла на взлёт, и вокруг их машины снова прибавилось рабочих рук. Так что к девяти утра хвост самолёта сняли с козлов и установили на хвостовое колесо. А ещё спустя пятнадцать минут левый двигатель машины пару раз чихнул и ровно зарокотал, пыхая холостым выхлопом.

– Вот и ладненько, – довольно произнёс инженер эскадрильи, вытирая руки ветошью, – успели! Сейчас движки на разных режимах погоняем, биение винтов проверим, а потом пробный вылет, и-и-и...

– Сержантов Чалого и Вольского срочно на КП!

Славка и Виталий резко развернулись и уставились над подбежавшего красноармейца-посыльного.

– Чего такое? – нахмурился инженер. – Согласно приказу комэска они до момента окончания ремонта в моём распоряжении.

– Не могу знать! – по уставному вытянулся тот и добавил: – Но велели срочно бежать!

– Ладно, бегите, – махнул рукой инженер, – движки и без вас погоняем...

– Как думаешь – зачем зовут? – на бегу поинтересовался Вольский.

Чалый молча пожал плечами. Хотя у него и было предположение, что это связано с тем, что у их машины запустили движки, высказывать его он посчитал преждевременным. Виталий вообще был парнем серьёзным, выдержанным. Впрочем, подобными чертами характера отличались в их семье все – и отец, и братья, каковых у Виталия было двое – старший, учившийся в институте в Ленинграде и подрабатывавший чертёжником в каком-то конструкторском бюро, о котором он ничего не рассказывал, и младший, который только что окончил школу и как раз сейчас вроде как находился в процессе сдачи экзаменов в Подольское стрелково-пулемётное училище, а также мать и младшая сестра, пока ещё ходившая в девятый класс.

– Прибыли? – встретивший их на КП эскадрильи капитан Кушнарёв, который не ушёл во второй вылет, будучи оставлен комэском на КП для, как он выразился, лучшей координации, был явно чем-то взволнован. – Как машина, готова?

Сержанты переглянулись.

– Никак нет, товарищ капитан, – осторожно ответил Виталий. – Только собрали. Сейчас движки на разных режимах гонять буд...

– Так, капитан, – оборвал его неслышно подошедший полковник Вершинин, – давай-ка я сам объясню. Дело вот какое, сынки... Слышите? – он мотнул подбородком в сторону границы. Оттуда доносилось мерное, но мощное буханье. – Это работает артиллерия особой мощности. Именно она не даёт гитлеровцам вырваться с плацдармов, которые они смогли захватить на нашем берегу Буга. И поэтому немцы её отчаянно ищут. Звукоразведка им не особо поможет. Слишком далеко. Эти пушки бьют на три десятка километров. Так что максимум если направление сумеют засечь. Да и то не факт что точно. Воздушную низковысотную разведку мы пока тоже успешно валим. Поэтому они запустили высотного разведчика. А вот его снять у меня нечем, – тут начальник штаба воздушной армии сделал паузу и тяжело закончил: – Кроме вас.

Чалый и Вольский переглянулись. Нет, сами-то они были готовы бежать к самолёту и тут же идти на взлёт. Но ведь мало просто взлететь – надо ж ещё и задачу выполнить.

– Товарищ полковник, мы готовы, но самолёт-то только-только из ремонта. Как себя поведёт – никто не знает. Не облётан же ещё. Да и оружие тоже пока после

ремонта не пристреляно.

– Понимаю, – кивнул Вершинин. – И то, что просить вас пойти наперехват, не имею права, – тоже. Но других вариантов у меня нет. Немец идёт на девяти с половиной тысячах и в любой момент может подскочить ещё выше. Так что ни у кого, кроме вас, шанса достать его просто нет. У ваших товарищей сейчас и топливо, и боезапас на исходе, потому как они в настоящий момент на пути к аэродрому. И пока их заправят – немец точно уйдёт. «Миги» тоже либо ещё в бою, либо на заправке и обслуживании. Да и высотность у них – не чета вашей. А всё остальное после трёх тысяч набирает высоту очень лениво. Сами знаете – основная масса наших истребителей «заточена» под малые и средние высоты. А разведчик уже прошёл Малориту и сейчас подходит к Жабинке. О том, что он может что-то с такой высоты разглядеть, – я не волнуюсь. Но если он привезёт снимки...

Сержанты снова переглянулись. Да уж, аэрофотосъёмка – дело такое. По хорошему фотоснимку даже укрытую и замаскированную технику, вооружение и оборонительные сооружения можно вычислить. Специалисту, конечно, и не всякому, но такие у немцев точно есть. Проявить плёнку через светофильтры, поиграть с контрастностью, тенями, чёткостью и всяким таким прочим – и вот тебе всё скрываемое как на блюдечке. Ну не стопроцентно, конечно, но точно куда больше, чем если бы собственными глазами, высунув голову из кабины, рассматривал. Даже с малой высоты и через оптику...

– Мы попробуем, товарищ полковник...

Они взлетели уже через шесть минут. Ну да самолёт к вылету готовили лично инженер и аж семь техников, притом что ещё чуть ли не дюжина таковых топталась вокруг в полной готовности чего подать или подхватить.

На полутора тысячах в наушники ворвалась какофония идущего где-то неподалёку воздушного боя:

– Паша, слева!

– Уходи, уходи! На круг уходи, говорю!

– Сашка-аааа...

- Прикрой атаку-й-ааа...

- Вправо, вправо отворачивай... ах ты ж...

Но Виталий, не отвлекаясь, упрямо тянул вверх. Скорость была не слишком велика, но зато натужно ревушие АМ-36М, образца тридцать девятого года, взлётной мощностью в тысячу девятьсот сил, позволяли машине каждую минуту отщёлкивать почти по полторы тысячи метров высоты. Ну да по этому показателю их «сушка» была среди всех советских боевых самолётов как бы не рекордсменом.

Немца они догнали минут через пятнадцать. Он уже разворачивался в сторону границы... ну, или теперь уже скорее линии фронта. То есть успел заснять всё, что хотел, гад!

Когда приблизились на тысячу метров, Чалый встрепенулся.

- Это он, Славка! - прогудел Виталий сквозь кислородную маску.

- Кто? - не понял тот.

- Вчерашний. Ну которого мы упустили.

- Уверен?

- Да точно он! - воскликнул Чалый и, подобравшись, коротко бросил:

- Штурман, отсчёт дистанции.

- Восемьсот пятьдесят... - монотонно начал Вольский, параллельно щёлкая барабанчиками прицела. - Восемьсот... Семьсот пятьдесят... Семьсот... Шестьсот пятьдесят... Шестьсот... Ты чего не стреляешь?!

- Не отвлекай! - рявкнул Чалый. Но затем пояснил: - Забыл, что у нас пулемёты после ремонта не пристреляны? Дистанция!

– Пятьсот... Четыреста пятьдеся... Уходит! Отворачивает, Виталя! Заметил нас, сволочь!

И в этот момент «сушка» слегка вздыбилась от короткой очереди четвёрки тяжёлых пулемётов. А затем ещё раз. И ещё. Но летевший впереди «Юнкерс» казался будто заговорённым... Тут под брюхом «Су-ЗПВ» что-то стукнуло, и почти сразу же послышался испуганный голос Славки.

– Ты что, шасси выпустил? Сломает же на хрен на такой скорости!

– Надо сбросить скорость, – огрызнулся Виталий, – а то проскочим...

После чего самолёт снова вздыбился от счетверённого залпа. А в следующее мгновение в наушниках Чалого послышался восторженный вопль Вольского:

– Горит, сволочь, гори-и-ит!..

Глава 2

– Ну чаго, лётчык, падымай.

Виталий поднатужился и, вместе с санитаром, закинул в кузов обмякшее тело Славки. Тот слабо простонал, но так и не очнулся.

Их подловили над Дзержинском. Когда они возвращались с вылета на перехват.

К сегодняшнему утру в эскадрилье осталось всего четыре машины. Впрочем, не все выбывшие были потеряны безвозвратно. Три самолёта, например, дотянули до аэродрома, но оказались так побиты, что привести их в боеспособное состояние на месте оказалось совершенно невозможно. Поэтому их погрузили на платформы и вместе с экипажами отправили в пункт постоянной дислокации. Ещё две, побитые чуть поменьше, полетели обратно своим ходом... Так что всем было понятно, что эскадрилья явно доживала на фронте последние дни. Как, впрочем, и многие другие части авиации ПВО Московского военного округа, которые были передислоцированы сюда в середине июня. Нет, не в полном

составе. Как правило, из полка сюда перебрасывали по одной-две эскадрильи. И часть из них уже убыла обратно, пусть и понеся потери, но при этом заработав боевой опыт. А им на смену прибыли другие эскадрильи их полков. Но, в общем и целом, все прикомандированные части и подразделения начали постепенно отправляться обратно... Зачем это было сделано – совершенно не его, сержанта Чалого, ума дело. Может, командование, которому, похоже, было известно о том, что немцы собираются вот-вот начать войну, решило таким образом усилить авиационную группировку в приграничье. А возможно, это было сделано для того, чтобы сразу же, в первых боях, обкатать в боях личный состав подмосковных полков. Или, может быть, основной причиной подобного решения стало желание дать настоящий боевой опыт не только частям и подразделениям ПВО Москвы, но и её руководству. Как бы там ни было – за пару недель до начала войны авиационная группировка Белорусского особого военного округа была усилена почти шестью сотнями самолётов из состава авиации ПВО Московского военного округа. И ходили слухи, что подобное произошло не только в Белоруссии. Так, в Прибалтику были переброшены самолёты из-под Ленинграда, а на юг вообще вроде как прибыли на усиление дальневосточники... И вот сейчас началась постепенная переброска этих прикомандированных частей обратно, к местам постоянной дислокации. Тем более что практически все они понесли существенные потери как в личном составе, так и куда более – в материальной части и потому не могли считаться полностью боеспособными... Так что и их эскадрилья тоже ждала, что вот-вот поступит приказ на возвращение. Тем более что поддержание в боеспособном состоянии даже оставшихся в строю машин чем дальше, тем больше становилось всё более нетривиальной задачей. Ибо захваченный с собой запас запчастей и расходников уже показал дно. И если горючее и боеприпасы ещё можно было получить на месте, со складов Белорусского военного округ... то есть уже, конечно, Западного фронта, то вот всё остальное... Да и смысла в их пребывании здесь, если честно, было не так уж и много. «Су-3ПВ» был машиной сложной, дорогой и заточенной на выполнение только одной задачи – высотного перехвата. Вследствие чего в обычном воздушном бою он выглядел весьма не ахти. Тяжёлый, не слишком манёвренный и довольно крупный двухмоторный истребитель, чьи моторы были специально приспособлены для полётов на больших высотах, для тех воздушных боёв, которые велись нынче над лесами и озёрами западной Белоруссии, был приспособлен не слишком хорошо. Так что после того как уже в третьем воздушном бою эскадрилья, ввязавшись в манёвренную схватку с «мессерами», потеряла сразу пять машин, не сбив при этом ни одной вражеской, вышестоящее командование стало использовать их только под прикрытием «Яков» и «ЛаГГов». И лишь для одной задачи – атаки бомбардировщиков, идущих в плотном строю. Всё-таки мощное и дальнобойное вооружение «сушек» позволяло им, в отличие

от всех остальных истребителей, имеющих на вооружении ВВС РККА, вполне успешно вести огонь по немецким самолётам, не входя в зону эффективного ответного огня их бортового оружия. Задачи же по прямому профилю за три первых недели войны их эскадрильи выпали ещё только четыре раза. И почти всегда на их выполнение высылали именно самолёт сержанта Чалого. Нет, не один. Все четыре раза вылетали парой. Но отчего-то те два раза, когда в атаку на немца выходил ведущий пары, боевая задача оказалась не выполнена. Немцы ушли. А вот когда он уступал место Виталию – оба немца закончили свой боевой путь. Так что у него сейчас был самый большой боевой счёт в эскадрильи – четыре сбитых. Из них три разведчика и один «бомбер». Даже у комэска сбитых было всего трое. А у половины из остальных счёт пока вообще был не открыт. И не сказать чтобы так уж мазали... после первых трёх-четырёх боёв народ пообтёрся, руки перестали дрожать, глаза уже не метались по всему небу в попытке уловить хоть что-то, но-о-о... немецкие машины оказались довольно крепкими и держали попадания очень неплохо. А немцы показали себя хорошими пилотами. Так что подбивать – получалось, заставить сбросить бомбы и отвернуть – тоже, а вот сбивать – увы, выходило довольно редко...

В крайний вылет они снова пошли на перехват разведчика. Тот шёл на не слишком большой высоте, да и тип был вполне знакомый – «Дорнье», Виталий уже «ссадил» с небес парочку точно таких же, так что знал, куда нужно бить, и особых проблем не предвиделось. Но ведущий решил ещё раз попробовать завалить немца лично. И снова неудачно. Причём проблемы начались ещё на подходе... Похоже, немцы уже поняли, что на этом фронте действует эскадрилья перехватчиков (ну ещё бы – уж больно характерный у «Су-3» был силуэт, не перепутаешь), и потому были настороже. Вследствие чего немец обнаружил их ещё где-то за километр и сразу же начал уходить. Причём весьма умело – маневрируя, уводя самолёт в скольжение и ловко срываясь в пикирование. Да ещё при этом, скорее всего, орал по радиации во всю ивановскую о том, что его атакуют «russische abfangj?ger». А они увлеклись и-и-и... «Мессеры» ударили внезапно. И подло. Сверху. Из-за облаков. Чалый в последний момент что-то почувствовал и успел рвануть штурвал, уводя машину, но полностью увернуться не смог. «Сушка» вздрогнула от попаданий, и сначала на левой плоскости, а затем и на фюзеляже появилась дорожка весьма крупных пробоин. Похоже, «мессеры» были новой «пушечной» модификации. Но это было ещё ничего, поскольку машина продолжала лететь и слушаться рулей... А вот ведущий получил по полной. Кабина его самолёта сверкнула брызгами разбитого остекления, после чего самолёт клюнул и неуклюже завалился вниз, совершенно потеряв управление.

Следующая очередь раздалась спустя несколько мгновений, но Чалый уже переложил ручку, так что большая её часть ушла «в молоко». Вследствие чего удалось отделаться одним попаданием в правый киль. Ещё один рывок, ещё... Сержант вспотел, из-под шлемофона тёк пот, руки слегка подрагивали. Одному против пары пушечных «мессеров»... И на пикировании не уйдёшь! Во-первых, у него слишком крупная машина, а значит, большая лобовая проекция – два двигателя против одного у немцев, плюс фюзеляж, плюс куда больше размах крыльев (а куда деваться – воздух на больших высотах сильно разрежён, и чтобы летать там, требуются крылья заметно больших размеров), вследствие чего на пикировании не оторваться. Соппротивление воздуха не даст развить необходимую скорость. А во-вторых, немцы уже прошлись пушкой по левой плоскости. Так что даже если и получилось бы разогнаться, ослабленное крыло из-за больших перегрузок на выходе из пике вполне может подломиться... Что делать-то?! В этот момент впереди мелькнула какая-то тёмная масса, которую он даже не успел идентифицировать, но инстинктивно надавил на гашетку. «Сушка» вздрогнула от мощного залпа, а через полсекунды впереди полыхнуло алым.

«Сбил! – на мгновение воодушевился Виталий. – Кого только? Да и хрен с ним – не до того...»

Несмотря на то что атаки немцев не прошли зря и в «сушке» заметно прибавилось дырок, не предусмотренных чертежами, но падать машина пока не собиралась и руля слушалась. Так что сдаваться было рано... Пару мгновений подумав, Чалый толкнул рукоятку газа вперёд, одновременно доворачивая закреплённый на ней регулятор на наиболее выгодный шаг винта, и решительно потянул ручку на себя. Машина, взревев моторами, поползла вверх. Это был единственный реальный вариант. Если в пикировании шансов уйти от «мессеров» у Виталия не было от слова совсем, то оторваться от немцев набором высоты шанс был. Потому как по этому параметру его машина могла дать немцам сто очков вперёд. Ибо именно под это её и затачивали.

Уйти не удалось. Как выяснилось уже через несколько мгновений, в облаках пряталась ещё одна пара «мессеров»... Вот их сержант Чалый успел разглядеть хорошо. Хищные машины в брутальном камуфляже (весь смысл которого уходил напрочь вследствие вызывающего окраса кока винта в кричаще-жёлтый цвет), и знак пикового туза в белом ромбе на борту. Туз был виден только на одной машине, поскольку ведущий этой пары шёл точно в лоб Виталию, и его борта были совершенно не видны, а вот ведомый двигался чуть сбоку... Чалый зло

оскалился.

- Штурман, дистанцию? – коротко бросил он. Но Славка не ответил.

- Штурман!.. А и хрен с ним, – Виталий стиснул зубы так, что захрустела эмаль, и, шевельнув ручку, ещё чуть приподнял нос самолёта. Расстояние стремительно сокращалось, так что через пару-тройку секунд в поправках уже не будет никакого смысла. Носовая же батарея у него куда мощнее, чем у немцев... Как бы там ни было, в одиночку они со Славкой сегодня в землю не уйдут! А потом все мысли вылетели из головы напрочь, выбитые оттуда слитным рёвом четырёх тяжёлых пулемётов...

Ему удалось приземлить избитую до лохмотьев машину на неубранное ржаное поле около дороги. При ударе о землю повреждённое левое крыло разломилось на три части, а двигатель вообще вырвало из гондолы и выбросило метров на шесть вперёд. Похоже, немецкие снаряды не только продырявили обшивку, но и сильно повредили силовые элементы крыла. Так что ему очень повезло, что он решил не пытаться уходить пикированием...

При посадке Чалый, несмотря на привязные ремни, неудачно приложился правой ногой, разорвав мышцу о какую-то выступающую железяку, и вследствие этого потерял от боли сознание. Ну да «сушка» к тому моменту сильно напоминала скелет, из которого во все стороны торчали выломанные со своих мест кости. Так что в чувство его привёл хриплый голос:

- Летун, ты как там, живой?! Лету-ун?

- Живой, – натужно отозвался сержант и, моргая глазами, пытаясь этим хоть как-то справиться с зыбким маревом, застилавшим взор, после чего поднял дрожащие руки и принялся отстёгивать замки привязных ремней.

- Не бойсь, сейчас вытащим, – тут же повеселев, отозвался тот же голос.

- Погодите со мной, – хрипло заговорил Чалый. – Посмотрите, что там в задней кабине. Что-то мой штурман не отзывается...

- Ага, счас! Ох ты ж й-о-о...

– Что? Что там?! – вскинулся командир экипажа. Несколько мгновений ему никто не отвечал, но затем снова послышался уже знакомый голос, в котором явственно чувствовалось облегчение:

– Да не, живой. Просто кровищи тут натекло... И без сознания.

Виталий саданул руками по замкам фонаря кабины, но тот даже не шелохнулся. Тогда он торопливо вытащил из нагрудной кобуры лётного комбинезона «ТТ» и несколькими ударами его рукоятки выбил помутневшие от попаданий остатки плексигласа, после чего торопливо полез наружу. Его почти сразу же подхватили сильные руки и буквально выдернули из кабины.

– Где он?

– Да вон. Уже достали. Ему наш санинструктор сейчас первую помощь оказывает...

Чалый спрыгнул с крыла, едва не рухнув на колени, потому что ноги отчего-то совсем не держали, и, переваливаясь как утка, похромал к другу.

– Славка, ты как?

Вместо Вольского ответил санинструктор:

– Бесполезно. Без сознания он. И в госпиталь его побыстрее надо. Много крови потерял.

Чалый развернулся к толпящимся у самолёта пехотинцам, разыскивая взглядом старшего.

– Нам самим нечем, – качнул головой стоявший впереди пехотный лейтенант. – На роту одна лошадь, да и ту час назад за продуктами отправили. Мы тут в прикрытии моста стоим. По уши в землю закопались. Так что нам транспорт сейчас не шибко нужен. Вот его и того... – но затем успокаивающе махнул рукой. – Но ты сильно не переживай. Тут мост всё-таки. Пристроим твоего на какой проходящий транспорт. Главное, чтобы до этого момента дотянул...

И вот теперь они с санитаром загружали так и не пришедшего в сознание Славку в кузов остановленной перед мостом полуторки, которая везла в тыл раненых оборонявшегося где-то западнее пехотного полка. За спиной гудело и грохотало. Немцы уже неделю как вышли к «линии Сталина» на большей части её протяжённости, а два дня назад начали её штурм. От места падения до переднего края было меньше шести километров. Так что грохочущую артиллерию было слышно прекрасно.

Разместив Славку рядом с другими ранеными, Виталий едва успел умаститесь в закутке рядом с санитаром, как полуторка тронулась. Несколько минут устало молчал, вслушиваясь в доносящийся с юго-запада гул артиллерии.

– Давит немец? – не выдержал Виталий.

– Давит, герма?н, – согласился санитар. – Божечки, кольки людзей пабила... – он помолчал и затем заговорил уже сам: – Мэни как почалося сразу закликаци. Я-то месцный, со Станькава. Вот нас с Марфой и цаго. Яздавым взяли. Покуль Марфу снарядам не забила. С таго часу я и санитар...

В этот момент какой-то раненый очнулся и застонал. Санитар суетливо дёрнулся и, выудив откуда-то фляжку, поднёс её к губам раненого.

– Вось, милай, попей, лягчей стане...

Но напоить раненого ему не удалось. Потому что его сосед, весь замотанный в бинты боец, с сержантскими треугольниками на чёрных, артиллерийских петлицах, перехватил его за руку и зло рявкнул:

– Совсем с глузду съехал?! Он же в живот раненный!

– И чаго яму цяперь мучаца чи шо? – не менее сердито огрызнулся санитар... а вернее ездовой, определённый в санитары. Виталий вздохнул и пояснил:

– Раненым в живот нельзя воду. Только если губы смочить.

Основы первой помощи им в лётной школе давали в довольно большом объёме. Так что, похоже, в медицинском деле он разбирался как бы не получше подобного «санитара».

– Вот-вот, слушай, что тебе умные люди говорят, – всё так же зло произнёс артиллерист. После чего прислушался и удовлетворённо кивнул.

– Наши восьмидюймовки садят. Ох и кисло сейчас немчуре...

– А няма чаго было да нас лезци. Гаспадары знайшлися... – пробурчал санитар. И все замолчали, вспоминая речь Сталина, которую он произнёс по радио в полдень двадцать девятого июня. Через восемь часов после того, как первые немецкие бомбардировщики пересекли линию государственной границы СССР. Там было всё – и выдержки из «Майн кампф», и материалы из плана «Ост», и цитаты из выступления Гитлера перед высшим командованием вермахта, состоявшегося буквально накануне нападения. У всех, кто его слушал, сами собой сжимались кулаки и зубы стискивались до такого состояния, что начинала крошиться эмаль. Природные рабы, значит, говорите, недочеловеки-унтерменши... ну раз так, господа, ось теперь не обижайтесь...

– А прауду кажуць, што у нас ёсць гарматы, яким у дула галаву засунуць можна? – поинтересовался санитар спустя минут пять. Артиллерист хмыкнул.

– Уже нет. Их ещё в ночь на тридцатое июня в тыл увезли. Так что они всего один день по немчуре стреляли... Как раз неподалёку от нас стояли. Им ещё о прошлом годе позицию готовить начали. Под Жабинкой. Рельсы укладывали, стрелки монтировали...

– Так яны што, у вагонах? – удивился санитар.

– Они сами по себе такой вагон, что всем вагонам вагон! На сорока колёсах, – уже куда доброжелательнее усмехнулся артиллерист. – И чтобы их по горизонту можно было наводить... ну в стороны, понимаешь? Так вот для этого нужно специально так рельсы положить, чтобы они по кривой шли. Сам понимаешь, сколько для этого времени нужно – ответвление сделать, насыпи, стрелки, подходы... Потому-то позиции для них так заранее и начали готовить. На нашем направлении – неподалёку от Жабинки. А также ещё, говорят, где-то под Малоритой и на севере. Но там орудия поменьше калибром стояли. В

одиннадцать дюймов. А под Жабинкой четырнадцатидюймовые! – сержант сделал паузу, после чего довольно закончил: – Ох немцы и обосрались, когда они вдарили. Целых два дня с плацдармов нос казать боялись – так и сидели, ждали, пока их самолёты все подозрительные места не выбомбят. Но – бесполезно. Их уже в первую же ночь в тыл уволокли... – тут его лицо посмурнело. – Но нам из-за этого тоже сильно достались. Наша батарея тогда первые потери понесла. Одно орудие вдребезги разбило и два тягача. И это ещё хорошо, что боезапас не детонировал. Снаряды-то по большей части прямо у орудий лежали. Чтобы можно было быстро на «беглый огонь» перейти. Мы ж не просто так там стояли, а по немцам плотно работали по заявкам нашей пехоты. Вот если бы снаряды сдетонировали – тогда бы от батареи вообще мокрое место осталось... Хотя и так хорошего мало. Мы потом из-за потери тягачей при смене позиций так затрахались.

– Обнаружили вас? – встрепенулся Виталий. Ведь своего первого немца он завалил, как раз когда тот летел на разведку позиций тяжёлой артиллерии. Неужели тот успел что-то передать?

– Если б обнаружили – так всю батарею разбили бы, – качнул головой сержант. – Просто на подозрительное место бомбы набросали. Артиллерию-то далеко не везде удачно разместить можно. К хорошей позиции много разных требований. Вот они все такие «хорошие» и бомбили. Ну, которые нашли. А у нас очень хорошая позиция была. Мы почти десять километров границы с неё свободно накрывали... – он вздохнул. – Немец-то уже два года воюет. Опытный...

Все некоторое время помолчали, а затем Виталий удивлённо покачал головой.

– А я и не знал, что у нас в армии такие орудия на вооружении стоят. Ну, в четырнадцать дюймов.

– Не-е, не у армии – у моряков, – мотнул головой артиллерист. – Четырнадцатидюймовки-то ещё до революции делались. Для каких-то линейных крейсеров. Но сами крейсера потом так и не построили. А орудия уже сделаны были. Вот их и поставили на железнодорожные транспортёры. Как орудия береговой обороны. А те, что одиннадцатидюймовые, уже в наше время сделали. Такие же, вроде как главный калибр наших тяжёлых крейсеров.

– А ты что, во флоте служил, что всё так хорошо знаешь?

– Да нет, – махнул рукой сержант, – я ж говорю – позиции у нас рядом были. Их же только лишь за три дня до того, как всё началось, притащили. Только-только успели обустроиться... Так мы им по-свойски, как артиллеристы артиллеристам, чем могли помогали. И тягачами пришлось поделиться, и где у кого поблизости самогоночки раздобыть можно посоветовать, – артиллерист подмигнул. – Там и наслушался... А вообще-то про эти орудия ещё в финскую войну писали. Они ж по дотам-миллионникам линии Маннергейма работали!

– А ну да, что-то припоминаю, – задумчиво кивнул Чалый. – А как тебя ранили-то?

– Немцы звукоразведку подтянули, – вздохнул сержант. – Мы только-только огонь открыли, как – на тебе! Едва по десятку выстрелов сделать успели... – но тут же оживился. – А так-то мы от границы уже по четыре боекомплекта на ствол расстреляли. Дали фрицам просрать.

– Кому? – удивился Чалый. Артиллерист весело взглянул на него.

– А мы так немчуру теперь называем, – и пояснил: – Пару недель назад, ещё под Иванцевичами, когда мы позицию меняли, к нам энкавэдэшники подсели. Ну, которые из оперативной бригады...

Виталий понимающе кивнул. Об оперативных бригадах НКВД говорить вслух было не принято. И ни в каких официальных приказах и распоряжениях, которые им доводились, о них тоже не упоминалось. Зато разных слухов про них ходило множество. Говорили, что все их штабы и казармы в приграничных городках – чистая бутафория, а на самом деле сидят они в глухих лесах вдоль немецко-советской границы. В той двадцатикилометровой полосе, из которой по весне было выселено всё население. Будто все они спортсмены и лютые бойцы. Будто есть у них тайные склады, которые ломаются от всяких запасов. И ещё будто все те двенадцати с половиной миллиметровые противотанковые ружья, изъятые из войск вследствие замены их на новые ПТР калибром четырнадцать с половиной миллиметров, ну как у его «сушки» на носовой батарее, отдали именно им. И если начнётся война, то диверсионные группы из состава этих бригад тут же переправятся через границу и начнут уничтожать немецкие склады, бить из противотанковых ружей паровозы, взрывать мосты. А пока войны нет, они патрулируют всю приграничную полосу и ловят немецких диверсантов... Что из всего этого было правдой – никто не знал. Но, в отличие от большинства других, эти слухи выглядели вполне логично. Тем более что чем-то подобным «отдельные лыжные бригады НКВД» занимались ещё на финской. То есть так же

лазали по лесам и ловили каких-то финских «кукушек». Кто это такие и почему так называются – никому известно не было, потому как вживую этих самых «кукушек» никто из обычных бойцов и командиров не встречал. И ни вреда, ни пользы от них никто особенно не почувствовал.

– ...так вот, они как раз языка куда-то в тыл волокли. Офицера. Вроде как гауптмана, уж не знаю кто это такой. И вот они как раз немчуру «фрицами» и называли. Ну и мы после них тоже начали.

– А как вообще немец, сильно силён? – поинтересовался Виталий. Артиллерист помрачнел.

– Сильно. Вот никак остановить его не получается. Только притормозить. И ненадолго. Вот вроде встанем на хорошей позиции, окопаемся от души, сетки маскировочные растянем. Пехота перед нами тоже всё по уму сделает. Кажется – обороняйся не хочу. Хрен пройдут! Ан нет... День-два – и фриц обязательно что-нибудь придумает. Какую-нибудь дыру найдёт, артиллерии побогаче нашего подтянет или пикировщиками не один-два, а раза четыре-пять раз обработает либо с фланга обойдёт – и на тебе, опять отходить приходится. Давит и давит, давит и давит... А в соседней дивизии, говорят, немчура целый полк окружила, а потом крупнокалиберные орудия подтянули и как начали по нему садить, – сержант махнул рукой. – Так и не вырвались. Всех положили...

– Па радые казали, что под Шяуляем целую дывизию атачили, – вздохнув, сообщил санитар. – Тольки там змагли вырвацца. Не усе, але шмат... – и все снова замерли, прислушиваясь к гулу и грохоту, доносящемуся с юго-запада. В этот момент полторка притормозила, а затем, отчаянно заскрипев тормозами, и вообще остановилась. Со стороны кабины слышались голоса, а через несколько секунд задний полог тента откинулся и внутрь заглянула голова в зелёной пограничной фуражке.

– Документы приготовили, – сурово произнесла голова. Санитар суетливо завозился, доставая откуда-то завёрнутые в тряпицу красноармейские книжки, пояснив остальным:

– Гэта у Минск уязджаем. Пост тут на уездзе стаіць.

Виталий расстегнул карман и достал свои документы, а потом потянулся ко всё ещё лежащему без сознания Славке.

– Куда лезешь? А ну замер! – угрожающе рявкнул внимательно присматривавший за ними пограничник.

– Гэта лётчык, – пояснил санитар. – А там іншы ляжыць. Их ля моста збілі. У Кайданава.

Пограничник несколько мгновений напряжённо сверлил взглядом Чалого, а потом отрывисто приказал:

– Свои документы сюда. Руки держать на виду.

Пару минут придирчиво поизучав переданные документы, он кивнул в сторону лежащего Вольского:

– А это кто?

– Штурман мой. Крови много потерял. В госпиталь ему надо срочно.

– Бомбардировщики?

– Нет, – мотнул головой Виталий. – Высотные перехватчики. На перехват немецкого разведчика вылетели, а его «мессеры» прикрывали. Вот и завалили нас.

Пограничник ещё пару мгновений сверлил его испытующим взглядом, потом медленно кивнул.

– Хорошо. Давай его документы...

Но просто так их не отпустили. Когда пограничник, наконец, закончил проверять документы и осматривать раненых, он высунулся за тент и крикнул:

– Тавликов!

– Здесь, товарищ сержант!

– Залезай в кузов. Проводишь до госпиталя. Убедишься, что всех раненых приняли и оформили как положено. Всё понятно?

– Так точно.

Тавликов, оказавшийся довольно щуплым, или скорее жилистым, парнишкой невысокого росточка, ловко забрался в кузов и устроился в дальнем углу, бдительно уставившись на присутствующих настороженным взглядом и устроив на коленях ППП с деревянным прикладом. Пистолеты-пулемёты состояли на вооружении и в пехоте, и в артиллерии, а также в танковых и инженерных войсках. Только у танкистов и артиллеристов приклад был металлическим и складным. А вот у пехотинцев и, судя по всему, пограничников – деревянный.

– А ты с какой заставы, пограничник? – поинтересовался у него сержант-артиллерист, когда они тронулись и отъехали от блокпоста.

Пограничник насупился и боднул его недоверчивым взглядом.

– А вы с какой целью интересуетесь?

– Да успокойся, парень, те заставы уже давно под немцем, – усмехнулся артиллерист. – Просто у меня в дивизионе шестидюймовок, что в Брестской крепости стоял, двоюродный брат служил. Вместе из одной деревни призывались. Вот я и подумал, ежели вдруг ты из кижеватовских, так, может, знаешь про него что?

Про девятую заставу капитана Кижеватого написала газета «Правда». В большой статье, посвящённой героической обороне Брестской крепости. Гарнизон крепости почти неделю отбивал все попытки немцев прорваться в кольцо крепостных стен, а установленная внутри крепостного двора тяжёлая артиллерия всю эту неделю доставляла немцам очень много неприятностей. Причём не только тем, которые атаковали саму крепость. Эти пушки стояли, считай, на самой границе, и потому доставали аж на семнадцать километров в глубь немецкой территории, накрывая своим огнём подходы аж к трём мостам и парочку рокадных дорог. И хотя мосты были взорваны ещё в первый же день, подходы-то к ним никуда не делись. Так что новые переправы немцам пришлось

обустроить вблизи от взорванных. А куда деваться-то? Это пехота, пусть и с трудом, способна добраться до берега реки почти через любые овраги и буераки, а вот чтобы туда доставить артиллерию, даже лёгкую, уже желательны дороги. Про тяжёлую же и говорить нечего. Как и про любое снабжение. Да и понтоны для наплавных мостов через те же овраги хрен протащишь. Только по дорогам, которые (вот ведь неожиданность) вели к тем самым взорванным мостам... Вот и приходилось немцам раз за разом атаковать крепость, пытаясь заставить замолчать дислоцируемую в кольце её стен артиллерию. Потому что другие способы оказались не слишком эффективны. Ибо орудия в крепости размещались в бетонированных орудийных двориках и капонирах, а сама крепость была прикрыта достаточно мощной ПВО. Не говоря уж о том, что её весьма плотно прикрывала советская авиация. Так что целую неделю, пока не пришёл приказ на прорыв и отход, артиллерия крепости вела огонь буквально на расплав стволов, расстреляв за это время не менее десятка боекомплектов на орудие...

– Нет, я с другой заставы, – сурово отозвался пограничник, но затем, помолчав немного, заговорил с ревнивыми нотками в голосе: – Мы тоже немчуре показали небо с овчинку. Не хуже кижеватовских. Нас перед самым нападением дополнительно усилили тремя огневыми точками из башен от «Т-33».

– Как это?

– Да просто. Привезли три башни с куском верхнего бронелиста. Так что нам осталось только котлован вырыть и вбить несколько опорных брёвен, к которым присобачить тот самый кусок верхнего бронелиста – и огневая точка готова. А траншеи и блиндажи опорного пункта у нас ещё по весне были полностью открыты и укреплены кольями и досками. И заняли мы их ещё ночью. Заставу-то в два часа «в ружьё» подняли, когда перебеж... кхм, заранее, короче, – пограничник замолчал и некоторое время сердито смотрел в сторону, как видно, досадуя на себя за оговорку. Но затем всё-таки продолжил:

– Немцы сначала артиллерийско-миномётный налёт по казарме произвели. А потом через Буг на лодках попёрли. Ну а мы дождались, когда они к берегу подойдут, да как жахнули со всех стволов. Одних пулемётов по ним работало девятнадцать штук. Ну если с башенными считать. Из них три крупнокалиберных. Весь берег был фрицевскими телами усыпан...

– А потом?

Пограничник помрачнел.

– А потом они начали артиллерией и миномётами уже по нам садить. Первый-то налёт, который по заставе, мы без потерь пережили, потому что к тому моменту там уже никого из наших не было. А вот когда они уже по опорному пункту бить начали, у нас первые потери появились. Трое убитых и одиннадцать раненых. И один капонир с башней от «Т-33» разбило... Но вторую атаку мы снова отбили.

– А потом?

– Потом опять артналёт и ещё самолёты. Вот в тот раз уже немцы боеприпасов не жалели. Самый сильный налёт был. Мы тогда половину личного состава потеряли. Но третью атаку снова отбить удалось. В основном потому, что за первые две попытки мы им много лодок подырявили... А после нам приказ на отход пришёл. У нас в тылу пехота за это время успела заранее подготовленные позиции занять, которые они с весны оборудовали, и ещё дополнительно окопаться, – пограничник вздохнул. – Но хрен бы немчура нас выпустила, если бы на ту сторону не начали такие «чемоданы» падать, от разрыва которых воронки метров по двадцать в диаметре и больше человеческого роста глубиной образовывались. Вот тогда и удалось тихонечко отойти... Но, говорят, немцы в этот день больше на наш берег не лезли. Наоборот, ещё и от Буга в глубь своей территории отошли. Так перепугались...

– Перепугались-то перепугались, а ныне немчура эвон уже под Минском стоит, а не мы под Варшавой, – хрипло пробурчал какой-то раненый от дальнего борта.

– Ничего, не надолго, – зло оскалился Чалый. – А вот то, что я ещё над Берлином летаю – это я вам обещаю точно!

В этот момент машина затормозила, и сквозь тонкий брезентовый тент слышались звонкие женские голоса. Похоже, они наконец-то добрались до госпиталя...

– Таким образом, на одиннадцать часов утра сегодня, одиннадцатого августа, линия фронта фактически вернулась к положению, которое она занимала на шесть часов утра двадцать седьмого июля. Так что можно констатировать, что все последствия прорыва Гота полностью купированы, – начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Триандафилов замолчал. Сталин, слушавший его, неторопливо прохаживаясь у карты, остановился и окинул её взглядом. После чего вздохнул и произнёс:

– Значит, упустили-таки Гота... – о том, чтобы поймать Гота в ловушку, он мечтал целых четыре года. С того момента, как узнал о его прорыве во время путешествия с Александром в будущее. Причём не просто мечтал, а готовился. Обдумывал планы, предлагал, советовался, копил ресурсы, убирал со своих постов людей, которые в тот раз зарекомендовали себя не очень, и расставлял на их места тех, кто должен был справиться... И вот, на тебе, такой облом. Готу, которого вроде как поймали в надёжную и заранее подготовленную ловушку, удалось-таки вырваться и уйти.

Эта война вообще развивалась совершенно не так, как об этом мечталось, когда он размышлял и планировал там, в будущем, или уже тут, по возвращении. Там ему казалось, что стоит устранить парочку-тройку вполне, с позиции послезнания, очевидных ошибок, чуть-чуть по-иному расположить силы и ресурсы, где-то что-то добавив за счёт того, что где-то на вроде как второстепенном направлении что-то будет незначительно убавлено, – и всё пойдёт куда как лучше, чем было в реальности. Но не тут-то было. Как выяснилось, стоило устранить одни ошибки и недостатки, как тут же появлялись другие. Причём иногда практически полностью повторяющие уже устранённые. Просто на этот раз их совершили совершенно другие люди, в изученной им истории вроде как никакими «косяками» не отметившиеся, но зато очень часто находящиеся на той же позиции в управленческой вертикали, что и прежние. Ну, почти. Скажем, ошибку командира дивизии на этот раз мог совершить не такой же командир дивизии, а командир бригады, или тоже комдив, но действовавшей на полсотни километров в стороне... А основной проблемой оказалось то, что немцы, про которых почти все историки и мемуаристы дружно писали, что они весьма слабы в импровизации и что едва только развитие операции начинает отклоняться от заранее спланированного – как они немедленно теряются и начинают тормозить, оказались совершенно не такими. Наоборот, выяснилось, что они отлично импровизируют. И что все «домашние заготовки», которые были разработаны и подготовлены именно к лету сорок первого, дают результат один, максимум два раза. После чего немецкие командиры тут же находят меры

противодействия, и буквально через пару суток их войска снова начинают двигаться вперёд...

- Другого выхода не было, товарищ Сталин, - твёрдо произнёс Триандафилов. - Оперативные резервы фронта на момент прорыва были достаточно ограничены - всего две стрелковые дивизии и три бригады лёгких противотанковых САУ. Вследствие чего командование фронта приняло решение использовать их все для остановки прорыва и удержания его флангов. И Генеральный штаб поддержал это решение. Сами знаете, как немцы способны импровизировать... Не дай бог Гот прорвался бы - весь фронт рухнул! Поэтому все они были брошены против танков Гота. Так что надёжно замкнуть кольцо, увы, было просто нечем, - Владимир Кириакович сделал паузу и, мгновение поколебавшись, продолжил: - Однако я не оценивал бы произошедшее как неудачу. В конце концов, немцы отступили. Кстати, впервые с начала войны. Остановка наступления и переход к обороне уже случались, а вот отступлений пока не было. Потом Гот ушёл, бросив очень много техники, причём не только неисправной, и практически всю артиллерию. Так что наступательный потенциал третьей танковой группы к настоящему моменту можно считать полностью исчерпанным. То есть нам удалось полностью уничтожить один из ударных кулаков группы армий Центр.

Сталин нахмурился и зло бросил:

- Не уничтожить! - после чего снова прошёлся вдоль карты и, остановившись у её центра, окинул взглядом нанесённую обстановку.

- И какие у Гота потери?

- Подсчёты ещё продолжаются, но, по докладам, он вынужден был бросить на местах боестолкновений не менее ста шестидесяти только одних танков. И потеря сто сорока восьми уже подтверждена трофейщиками. Причём часть из них находится во вполне исправном состоянии. У немцев просто кончилось горючее, и они вынуждены были бросить часть исправных машин, чтобы спастись на остальных.

- А какие именно машины потеряли немцы? Данные есть?

Триандафилов повернулся к столу, из-за которого тут же поднялась плотная фигура инспектора бронетанковых войск генерала Павлова.

– Так точно, товарищ Сталин. По докладам трофейщиков, сорок пять процентов потерянных немцами машин – это Panzerkampfwagen II, около двадцати пяти – бывшие чешские LT vz.38. Остальное – «тройки», «четвёрки» и несколько «штугов». Похоже, наиболее ценные и современные машины они пытались вывезти любой ценой... Кроме того, помимо танков, трофейными командами собрано ещё около двух сотен лёгкой бронетехники – в основном полугусенички немецкого и частью французского производства, фирмы «Lograïne», часть из которых так же полностью исправна. А среди других трофеев в значительном количестве имеются артиллерийские орудия и-и-и... гужевого транспорта. По поводу последнего могу сказать, что только за его счёт получится полностью доукомплектовать после потерь первую конно-механизированную группу Доватора.

Сталин кивнул. В изученной им истории конно-механизированные группы начали создаваться гораздо позже. Но поскольку у них тут, несмотря на все проблемы, ошибки, неудачи и трудности, потери первого месяца войны удалось-таки ещё немного снизить, да и темпы наступления немцев уже начали отставать от тех, что были в изученной им во время путешествия в будущее предыдущей реальности (пока немного, на день-два, но...), почему бы не начать воплощать хорошую идею несколько пораньше. Тем более что в прошлой реальности их так же планировалось начать формировать где-то в это же время. Однако в предыдущей реальности предназначенные для этого части и соединения пришлось бросить на остановку прорыва третьей танковой группы. Сейчас же, благодаря заблаговременной подготовке и наличию лёгких ПТО САУ, справились без них. Кстати...

– А как у фронта с резервами сейчас?

На этот вопрос снова ответил Триандафилов. Он был самым высокопоставленным из военных, участвующих в заседании Ставки. И третьим из находящихся здесь «погружённых в тему». Фрунзе в понедельник уехал на фронт. Ванников почти безвылазно сидел на Урале. Вавилов мотался по стране, занимаясь резким наращиванием производства медикаментов. Несмотря на все вроде как заранее подготовленные планы, этот участок работы с началом войны отчего-то сильно забуксовал. Бухарин в настоящий момент находился в Монголии, где шёл массовый забой овец и организация производства консервов

и полушубков. Зима ожидалась очень холодной, и готовиться к ней надо было загодя... Межлаук тоже был по горло занят. Меркулова Сталин принял ещё до начала заседания и уже отпустил. У него и так дел было навалом. К тому же полным ходом шла сложнейшая операция с бельгийским ураном в США, от которой очень зависели сроки создания первой американской атомной бомбы. Так что из всей восьмёрки «посвящённых» на сегодняшнем заседании Ставки Верховного главнокомандования присутствовали только сам Иосиф Виссарионович, Владимир Кириакович и Сергей Миронович Киров. Который пока по большей части молчал, не вмешиваясь в обсуждение. Ну да то, что он будет докладывать, предназначалось для куда более узкого круга, чем даже собравшийся в настоящий момент...

- Пока плохо. Из трёх бригад лёгких противотанковых САУ осталась, дай бог, одна. Да и та недоукомплектованная. Хотя в неё собрали исправную технику со всех трёх. Но ремонтные службы обещают до конца недели доукомплектовать её до полного штата. К сожалению, это всё...

Сталин понимающе кивнул.

Лёгкая противотанковая самоходная установка, так хорошо показавшая себя в этих боях, была, по существу, если пользоваться терминологией противника, «эрзацем». Поскольку представляла собой старенький «Т-33», с которого срезали башню и верхний лист бронекорпуса (каковые, кстати, по большей части ушли на усиление вооружения УРов, а также пограничных застав на новой границе), воткнув вместо них «сорокапятку», укрытую спереди и частично с боков весьма примитивным и тонким бронещитком. Нечто подобное клепали и немцы на базе своих «единичек» и трофейных чешских сорокасесимиллиметровых противотанковых пушек, гордо обозвав получившуюся конструкцию «Панцерягер I». Причём во Франции эти «уродцы» показали себя весьма неплохо. Что и позволило «залегендировать» идею подобной машины. Поскольку, на самом деле, не просто идея, но и инженерные расчёты, и даже чертежи для неё, были принесены Триандафиловым из будущего... Русский вариант, навскидку, должен был оказаться вполне боеспособным против практически любых танков, которые немцы могли бросить в бой летом сорок первого. Ну, может, кроме трофейных французских В-1bis. Но их на Восточном фронте не ожидали... «Двойки», «тридцать восьмые» чехи и старые модификации «троек» и «четвёрок» тем вариантом «сорокапятки», который в этой реальности был принят на вооружение в тридцать восьмом году и представлял собой некую компиляцию из «53-К» и «М-42» ажно позапрошлой

реальности прошибались в лоб простым калиберным снарядом уже с дальности более километра (ну так шестидесятикалиберный ствол обеспечивал начальную скорость калиберного бронебойного снаряда около восьмисот сорока метров секунду). Экранированные и более новые модификации брали только в упор. С дистанций от трёхсот до ста пятидесяти метров. Ну, или в борт... Бронирование у этих машинок изначально было для текущего уровня, считай, никаким, но поскольку эти самоходки планировалось использовать только из засад, ибо на поле боя подобному убожеству делать было просто нечего, вследствие чего, кстати, принятие на вооружение подобного варианта «дёшево и сердито» пришлось прямо-таки «продавить» через военных. Но, вследствие этого, к началу войны их успели наклепать в количестве более девяти с половиной сотен. Что позволило сформировать восемь бригад лёгких ПТО САУ. Четыре из них изначально входили в состав Западного особого военного округа, на базе которого и был сформирован Западный фронт, а ещё по паре получили Прибалтийский и Киевский особые округа. Одесскому же ничего не осталось... Но вся беда была в том, что производство «Т-33» прекратили аж пять лет назад. Так что взять «базу» для новых машин было просто неоткуда. И так для них выгребли практически все более-менее исправные шасси. Вопрос же о восстановлении производства даже не ставился. Ибо, по умолчанию, считалось, что уже к зиме боевой потенциал подобного «эрзаца» будет полностью исчерпан. Немцы же не дураки – точно же проведут модернизацию и усилят бронирование своей техники... Так что к концу осени планировалось начать перевооружение бригад лёгких ПТО САУ на уже стоящие на конвейере самоходки «СУ-76», исполненные на базе новой лёгкой гусеничной платформы, принятой на вооружение в тридцать восьмом году. Они были вооружены намного более мощной сорокапятикалиберной трёхдюймовкой и куда лучше бронированы. Но пока эти САУ производились в крайне недостаточных количествах. К тому же в настоящий момент всё произведённое практически «с колёс» полностью уходило на укомплектование арtpолков новых механизированных и танковых дивизий.

– ...а кроме неё имеется только одна стрелковая дивизия, только что переброшенная из резерва Ставки. Те две, что были задействованы в купировании прорыва, отведены на пополнение и смогут в достаточной мере восстановить боеспособность только недели через три-четыре. Уж больно потери оказались большими... Но командование фронта уверено, что это время у них есть. Вторую танковую группу хорошо потрепали ещё две недели назад. А третью – вот только что. Атаковать же только пехотой, без возможности быстрого введения в прорыв подвижных частей, немцы не будут. Потому что это полностью противоречит их тактике.

- Это оценка Генерального штаба?

- Да, это оценка Генерального штаба.

Сталин недовольно пошевелил усами и не удержался от шпильки:

- И какой, вы считаете, у этой оценки уровень достоверности? Выше или ниже, чем у той, в которой вы убеждали меня, что мы сумеем окружить и полностью уничтожить Гота?

В кабинете повисла напряжённая тишина. Но Иосиф Виссарионович уже взял себя в руки и продолжил более спокойно:

- А каковы потери самоходных бригад ПТО по личному составу?

- Здесь всё лучше. «Суммарные потери – около сорока процентов. Причём это и убитыми, и ранеными. Но медики дали осторожный прогноз, что не менее шестидесяти процентов раненых смогут вернуться в строй. Причём половина от этого числа может быть использована в качестве пополнения уже через пару-тройку недель. Так что была бы техника – смогли бы сформировать ещё одну бригаду, но...

- А разве нельзя восстановить часть подбитых машин?

Триандафилов снова повернулся к Павлову. Тот замялся, но ответил:

- Так это уже делается. Именно восстановленными машинами мы и планируем доукомплектовать имеющуюся бригаду.

- То есть их хватит только на доукомплектование одной бригады? Или ещё что-то останется?

- Точно сказать не могу, но, даже по самым оптимистичным подсчётам, получится восстановить не более десяти процентов потерянной техники, – он развёл руками и покаянно произнёс: – Дело даже не в том, что поражения оказались такими уж тяжёлыми. Просто двигатели и ходовая у машин сильно

изношены. Так что часть самоходок вышла из строя вследствие поломок. Не говоря уж о том, что в качестве базы для них была использована техника, уже находившаяся на грани исчерпания ресурса, эти бригады ещё и активно использовались в качестве оперативного противотанкового резерва во время всего приграничного сражения... Восстанавливать же их просто нечем. После остановки производства «Т-33» и разворачивания производства новой лёгкой гусеничной платформы изготовление запчастей для старой неуклонно снижалось. И большую часть произведённого пустили как раз на ремонт и восстановление боеспособности этих же машин при переделке их из танков в лёгкие САУ. Так что сейчас склады практически пусты.

Сталин молча кивнул и, повернувшись, прошёлся по кабинету вдоль окон. Остановился. Подумал. А затем развернулся и внезапно спросил:

– Хм, а в каком состоянии немецкие машины? Есть возможность их отремонтировать? Хотя бы часть можно восстановить? Например, снимая запчасти с более сильно повреждённых.

Все присутствующие переглянулись, а инспектор бронетанковых войск, побагровев, сглотнул и неуверенно произнёс:

– Не могу доложить, товарищ Сталин. Эту информацию мы у трофейщиков не запрашивали.

– А вы запросите, товарищ Павлов. А лучше сразу после заседания сформируйте группу и вылетите на место. Надеюсь, вам удастся организовать восстановление ходовых качеств достаточно значимого количества захваченной нами техники. Тем более что вы упоминали, что часть её и так практически исправна и была брошена немцами только вследствие израсходованного горючего? Вот вам, пожалуйста, и база для установки пушек. «Сумеют во фронтовых мастерских переставить исправные пушки с нашей техники на немецкую?»

– Так точно! – с некоторым, однако, сомнением в голосе кивнул Павлов. – И, я думаю, – да, использование фронтовых мастерских может быть выходом. Переоборудование «Т-33» в лёгкие САУ тоже ведь осуществлялось по большей части в окружных и корпусных мастерских. С заводов только ремкомплекты шли. Так что и здесь должны справиться. Тем более что опыт уже имеется.

– Вот и хорошо. Значит, через некоторое время мы получим на этом фронте ещё одну, причём обстрелянную, самоходную бригаду ПТО, – удовлетворённо кивнул Сталин. Сам он в успехе этой идеи не сомневался. Алекс как-то рассказывал, что такие финты наша армия делала ещё в самых первых из изученных им вариантов Великой Отечественной. Была там такая самоходка под названием «СУ-76(и)», где букровка «и» как раз и означала иностранную базу, в качестве которой использовались немецкие «тройки» и «штуги». По словам парня, ему про неё впервые рассказал сотрудник Центрального музея Вооруженных сил, которого Алекс именовал не иначе как «уважаемый Семён Лукич». Так вот таких машин в той реальности смогли наклепать более двух сотен штук, то есть совсем не «опытное» количество. Конструкция получилась вполне удачная. Несмотря на то, что пушка на них стояла куда больше и тяжелей. А тут всего-то «сорокапятку» воткнуть...

– Но всё равно резервов у фронта, я считаю, явно недостаточно. Владимир Кириакович, подумайте, чем мы ещё сможем усилить товарища Уборевича. Нам надо, чтобы Минск продержался как можно дольше.

– Так точно, Иосиф Виссарионович!

На самом деле резервы были. На линии Витебск – Орша – Могилёв сейчас разворачивался Первый Резервный фронт. Составляющие его дивизии в настоящий момент активно проходили боевое слаживание, поскольку по большей части представляли собой либо только-только доукомплектованные кадрированные соединения мирного времени, либо вообще вновь созданные, то есть те, что начали развёртывание лишь после объявления мобилизации. Ну и параллельно этому новый фронт активно строил для себя линию обороны. Так что сдёргивать оттуда какие-либо части было крайне нежелательно. Но раз поступил прямой приказ...

– Хорошо, что по Юго-Западному фронту?

– За последние сутки существенных изменений не произошло. Прорыв немцев на стыке Изяславского и Староконстантиновского УРов в направлении Бердичева остановить пока так и не удалось, но их продвижение сильно замедлилось. Маршал Тимошенко продолжает переброску подкреплений на угрожаемый участок, но их сосредоточение ещё не закончено. К тому же у него изначально было всего две бригады лёгких противотанковых САУ, которые к началу прорыва уже понесли серьёзные потери... чего, как показал опыт Западного фронта,

против полноценной танковой группы совершенно недостаточно. Так что ему приходится разворачивать в качестве ПТО ещё и буксируемую артиллерию. А она, естественно, обладает куда меньшей мобильностью...

Ну насчёт того, что более мобильно – лёгкие самоходки ПТО на крайне изношенной базе или буксируемые орудия, но с новенькими тягачами, можно было бы и поспорить, однако это точно не его уровень, пусть Тимошенко разбирается сам... Так что Сталин просто кивнул и задал следующий вопрос:

– Хорошо, а как дела под Одессой?

В текущей реальности Южный фронт по своему составу был едва ли не в полтора, а то и в два раза слабее, чем в большинстве предыдущих. Но при этом дрался вполне достойно. Так что, несмотря на то, что румынам и немцам сейчас противостояли куда меньшие силы, никакого более быстрого продвижения противника не случилось. Скорее наоборот, было некоторое отставание. Не слишком существенное. Ну, если сравнивать с тем же Западным фронтом... Впрочем, это было объяснимо. Потому что и противник тут был куда слабее. Немцев было не слишком много, в основном же части и соединения этого фронта дрались с румынами.

– Идут упорные бои в районе Днестровского лимана. Румыны рвутся к насосной станции, но корпус генерала Дашичева стойко держит оборону.

– А какова вероятность того, что противник, не добившись быстрого успеха, попытается разрушить насосную станцию тяжёлой артиллерией или авиацией?

– Я считаю, на данный момент – небольшая, товарищ Сталин. Румыны надеются вскоре захватить Одессу, и не думаю, что они так жаждут после этого повесить себе на шею столь нелёгкую проблему, как организация водоснабжения города при разрушенной насосной станции.

– А если всё-таки рискнут?

Триандафилов пожал плечами и посмотрел на сидевшего с краю Шапошникова. Тот неторопливо поднялся, одёрнул гимнастёрку и начал отвечать весьма спокойным тоном:

– Товарищ Сталин, особенных проблем не будет даже в этом случае. На последнем предвоенном совещании я докладывал, что инженерными частями округа между лиманом и Одессой было проложено три дополнительных заглублённых трубопровода, каждый из которых имеет собственный насос. Обнаружить их очень непросто. Если, конечно, румыны не займут ту территорию полностью... Но, как я понял, пока об этом речи не идёт. Поразить же артиллерией и воздушным налётом их ещё более проблематично. Поскольку все три нитки достаточно заглублены и замаскированы. В том числе и высевом травы. Они, конечно, гораздо меньшего диаметра, чем основной водовод, но, с учётом того, что в городе подготовлены дополнительные хранилища воды на базе бетонных ванн недостроенных бассейнов, особенной опасности того, что город останется без воды, нет. Хотя вводить нормирование, возможно, придётся. Как и доставку воды в отдалённые районы цистернами. Потому что полностью заполнить водой городской водопровод с помощью этих водоводов, конечно, не получится. Но вода будет. И до осенних дождей город продержится без особенных проблем даже при самом негативном развитии событий...

Сталин задумчиво кивнул.

– Хорошо. Не хотелось бы терять Одессу только лишь потому, что она лишится воды. Она для немцев и румын может стать очень большим гвоздём в заднице.

Все присутствующие понимающе переглянулись. Одесская военно-морская база перед самой войной была значительно укреплена. Достаточно упомянуть новые мощные башенные береговые батареи, представляющие из себя поднятые ЭПРОН со дна Новороссийской бухты, башни главного калибра линкора «Императрица Екатерина». При установке в качестве береговых им провели модернизацию, немного увеличив угол подъёма ствола, так что дальность стрельбы возросла до тридцати пяти километров. Что делало вероятность захвата Одессы до полного исчерпания боезапаса этих батарей весьма проблематичной. А снарядов для этих орудий в Одессе запасено было более двух боекомплектов.

– А как обстоит дело с подготовкой операции на Севере?

– Здесь есть небольшая задержка, товарищ Сталин.

– Задержка?

– Да. Как вы помните, на прошлой неделе две дивизии из состава формируемой Особой группы войск пришлось перебросить в помощь Прибалтийскому фронту. Ставка санкционировала это решение...

– Да, но я помню, что когда вы его представляли, то сообщили, что уже предусмотрели, откуда возьмёте замену.

– Да-да, новые дивизии им на замену уже формируются. Но дело в том, что эти новые дивизии не проходили специальной десантной подготовки. Так что достижение ими уровня полной готовности к участию в операции Генеральный штаб ожидает не ранее середины октября.

Сталин нахмурился. Опять задержки и неувязки. И это они ещё были заранее готовы к тому, что война начнётся именно двадцать девятого июня. Причём готовы так, что никаким немцам и не снилось. Достаточно сказать, что у них были не только полные и подробные карты развёртывания немецких частей и соединений, точные координаты складов и аэродромов базирования немецкой авиации, но и точное знание основных целей ударов немецкой авиации. Во всяком случае, на первые пару недель. Что же творилось в той реальности, в которой немцам удалось достичь стратегической внезапности?! Скорее всего, полный ужас...

– То есть у нас не остаётся никакого запаса времени? – недовольно уточнил он.

Триандафилов молча наклонил голову. Сталин раздражённо нахмурился. Чёрт! Эта операция была слишком важна, чтобы её переносить. Она процентов на тридцать должна была определить, как дальше пойдёт война. Её неуспех означал крах практически всех заранее разработанных планов. Причём не только военных, но и очень многих послевоенных. Именно ради того, чтобы сформировать предназначенную для неё группировку войск и был так ослаблен Южный фронт. Именно для неё на север шли эшелоны новеньких танков и самоходок, которые так требовались сейчас на других фронтах. Но провести её с максимальными шансами на успех можно было только в определённый, довольно короткий период времени. Чуть раньше – и у немцев будет время перебросить морем достаточные подкрепления, вследствие чего войска втянутся в затяжные бои с непредсказуемым итогом. Чуть позже – начнутся зимние шторма, и как сам десант, так и переброска подкреплений, а также снабжение высадившейся группировки окажутся очень сильно затруднены, а то и вовсе невозможны. Фактически операция была возможна в узком временном

коридоре сроком всего в пару недель. И тут – на тебе – выясняется, что сроки готовности войсковой группировки сдвигаются практически к самому началу этого временно?го коридора. То есть ещё одна-две затяжки – и всё...

Заседание Ставки закончилось глубоко за полночь. Последним принятым на нём решением было закончить «боевую стажировку» слушателей и преподавателей военных академий, начавшуюся через три дня после начала войны. Именно вечером первого июля группы слушателей и преподавателей убыли в войска, чтобы своими глазами увидеть, чего сумела достичь РККА при подготовке к войне и сравнить тактику и боевые приёмы немецких и советских войск. За прошедшие почти полтора месяца случилось всякое – часть входивших в эти группы офицеров погибла (а кое-кто даже попал в плен), часть, наоборот, заменила выбывших по гибели и ранению командиров разных уровней, но основной костяк сохранился и, судя по большинству докладов, выполнил-таки поставленную перед ним задачу. И вот теперь было решено отозвать из войск всех оставшихся. Дабы они по итогам своей командировки подготовили развёрнутые доклады, которые потом должны быть обсуждены на большой конференции, подготовку которой единогласно поручили Генеральному штабу. Совершенствовать тактику и штаты боевых подразделений в соответствии с требованиями времени необходимо было с первого дня и безостановочно... Но на этом рабочий день не закончился. Ещё через час собрались узким кругом уже на Ближней даче.

– Ну докладывай, Серж, что там по специальному реактивному двигателю? – здесь тема разработки первых советских ядерных бомб в документах так же именовалась РДС, но расшифровывалась не как «реактивный двигатель Сталина», а как «реактивный двигатель специальный». – Разобрались с задержкой? – поинтересовался Сталин.

– Не до конца, – вздохнул Киров, только что вернувшийся с Урала, от Ванникова, который на этот раз пролетел мимо должности наркома боеприпасов, поскольку уже с тридцать девятого был плотнейшим образом занят по атомной тематике. Впрочем, с боеприпасами на этот раз у СССР дело обстояло куда как лучше, чем в тех реальностях, в которых Борис Львович занимал эту должность. А вот с атомным проектом не всё ладилось. Несмотря на весь огромный массив принесённых из будущего материалов и куда раннее начало проекта...

– Жаль, Алекса больше нет, – с сожалением покачал головой Триандафилов. – Как всё ладно было – как только в каком проекте начинались трудности, так не

позже чем через год появлялся Алекс с этими своими «ноу-хау» и – хоп, всё налаживалось. А сейчас то и дело как слепые котята тыкаемся. С тем же настоящим реактивным двигателем... ну никак не получается ресурс более ста часов. Бьёмся-бьёмся...

– Бога-то побойся, – усмехнулся Сергей Миронович, на мгновение прервавшись. – Меркулов на прошлой неделе докладывал, что немцы довели максимальный ресурс своих опытных реактивных двигателей до двадцати часов и рады до усрачки. А тебе ста часов мало.

– Так у образца-то в десять раз больше! – скривился Триандафилов. Киров же только хмыкнул и продолжил:

– Но вроде как нащупали вариант. Курчатов обещает, что решит проблему не позднее начала сентября.

– Значит, на сорок второй год уже можно не рассчитывать? – нахмурился Сталин.

– Скорее всего, нет, – согласно кивнул Серж. – Но Ванников божится, что к лету сорок третьего точно выйдет на испытание. Правда, всё идёт к тому, что в варианте «РДС-3», а не «Зи», как планировалось, но первый опытный образец точно взорвут.

– Главное, чтобы сделали, – вздохнул Сталин. – А модернизированный вариант можно и потом запустить. Для первых образцов и сорока килотонн должно хватить за глаза. «Союзники» в той истории вообще полутора десятками килотонн весь мир так напугали...

Модель «РДС-3» в качестве образца первой советской атомной бомбы была выбрана потому, что в ней использовался комбинированный вариант начинки – плутониево-урановый, потому как Ванников опасался, что с наработкой плутония будут проблемы. И вот гений какой – не ошибся. Более восьмидесяти процентов задержек, которые преследовали советский атомный проект, были связаны именно с отработкой этой оказавшейся крайне капризной технологии. Плутоний оказался тем ещё геморроем, создавая множество проблем практически на любом этапе – производстве, хранении, обработке...

– А что по носителю? – развернулся Иосиф Виссарионович к Триандафилову. Тот пожал плечами.

– Туполев работает. Для полноценного стратегического бомбардировщика имеющийся двигатель слабоват, так что делают нечто типа знаменитого американского «В-52» с восемью двигателями в четырёх спаренных гондолах. Но там ещё работать и работать...

– То есть к сорок третьему он его сделать не успеет?

– Как знать... Но пока все прикидки дают конец сорок четвёртого. Там же всё заново делать надо – от аэродинамики до электрики. А ресурсов мы на это можем выделить сами знаете сколько. Фронт всё высасывает...

– А как дела с истребителями?

– А вот тут всё гораздо лучше, – воодушевился Владимир Кириакович. – Первые образцы уже поднялись в воздух, а образец реактивного истребителя Поликарпов обещает представить уже весной сорок второго.

– Как его здоровье, кстати?

– Вроде как нормально. Правда, врачи жалуются, что регулярно пытается пропустить обследования.

– Следите за этим! – наставительно произнёс Иосиф Виссарионович, – нам крайне нужен реактивный истребитель, а Николай Николаевич опережает любые другие КБ как минимум на пару-тройку лет. Потому как остальные пока в основном заняты совершенствованием своих моделей, уже стоящих на вооружении, так что по реактивной тематике у них только прикидки и наброски.

– Так ведь недаром же его так «изящно» взяли и «освободили от рутины», – усмехнулся Киров.

– Да уж, я помню, как Поликарпов обиделся, когда его отстранили от работ и забрали его старое КБ, – закивал Триандафилов.

– Так было надо. Для того чтобы немцы, да и остальные, поверили, что на Николае Николаевиче можно поставить крест и можно более его не отслеживать, все «внешние наблюдатели» должны были увидеть именно такие, предельно искренние реакции...

«Дружеские посиделки», на которых были обсуждены наиболее секретные из проектов страны, закончились в четыре утра, но Сталин был вполне удовлетворён результатом. И пусть практически по всем проектам имелись задержки сроков, где-то на пару недель, а где-то и на полгода, а то и более, главное – все эти жизненно важные для страны не столько даже в текущей войне, сколько в той, что начнётся, когда замолкнут пушки, проекты упорно двигались вперёд...

Глава 4

– Лейтенант Чалый, к командиру!

Виталий на мгновение замер, а затем торопливо закинул в рот две последние ложки тощих щей, являвшихся звездой рациона кормёжки в этом запасном авиаполку, и вскочил из-за стола.

– Зачем зовут, не знаешь?

– Не-а, – безмятежно отозвался сержант Гостышев, его сосед по казарме, который и сообщил ему об этом вызове. Поскольку в настоящий момент имел, так сказать, честь находиться в суточном наряде. – Может, в командиры звена тебя прочат. Как-никак больше всего сбитых...

Гостышев относился к нему ревниво. Они оба были одного года выпуска. Сержант, так же как и Виталий, встретил войну на границе. Причём в обычном истребительном авиаполку. И до того, как его сбили, успел сделать девять боевых вылетов. Но ни одного сбитого у него за душой не было. Хотя и летал, и атаковал, и стрелял. Уж больно умелым противником оказалась немчура. Как он об этом авторитетно рассказывал молодым пилотам выпуска этого года, каковых в запасном авиаполку оказалось большинство... И тут – на тебе, молодой пилот

«коровы», как пренебрежительно именовали высотные перехватчики пилоты одномоторных истребителей, имеет на боевом счету семь сбитых. И ладно бы это были только те цели, для перехвата которых эти самые «коровы» и создавались. Так нет же, среди этих семи – один «бомбер», а два и вообще «мессера». Вот как у него это получилось, а?

Такой стремительный скачок боевого счёта Чалому принёс последний бой. Причём практически всех сбитых в нём Виталий получил, так сказать, «по дурняку». То есть не вследствие превосходства в мастерстве, тактике, технике и всём таком прочем, а как-то непонятно. Считай, «на ша2ру». Разведчик сам вылез под прицел в тот момент, когда сержант Чалый и не думал его атаковать, а всего лишь лихорадочно стремился сам уйти от попаданий, так что от него потребовалось только нажать на гашетку. Идущий в лобовую «мессер» нарвался на счетверённую очередь носовой батареи, пущенную не прицельно, а просто в сторону противника. А как там можно было прицелиться, если штурман наведения был без сознания и вносить поправки было просто некому? Ну а третий – вообще умора, получил по фюзеляжу обломком крыла взорвавшегося «ведущего», после чего рухнул на землю с полуоторванным хвостом. То есть Чалый в него не то что не попал, а даже и не стрелял! Но сбил. Причём весь этот его суматошный воздушный бой наблюдал лично заместитель командира девятой смешанной авиадивизии подполковник Исаев. И именно по его приказу на боевой счёт Виталия были записаны эти три сбитых. А через сутки после боя подполковник лично разыскал сержанта Чалого в госпитале и категорично заявил ему, что такому орлу не место за штурвалом «коровы».

– Нам немецких «асов» с неба ссаживать некому, а тут такой самородок в перехватчиках прозябает. Даже не спорь! Я тебе выпишу направление в настоящие истребители. Сам же мне потом спасибо скажешь.

Вот так и попал Виталия после выписки из госпиталя не в родную эскадрилью, а в этот запасной авиаполк. Впрочем, сильно он по этому поводу не переживал. Потому что именно благодаря Исаеву сержант Чалый стал наконец-то лейтенантом. Причём даже не младшим! А кроме того, под конец разговора полковник намекнул, что только званием дело не ограничится. Мол, будут и ещё «плюшки». Но о них Виталий старался не думать. Что там ему дадут – да всё равно! Любому будет рад. Вон сколько народу за этот месяц в награду фанерную звёздочку на пирамидку над могилкой получило, а он жив... Так что чего бы там ни было – радоваться надо да судьбу благодарить, а не прикидывать и надеяться. Всё равно Герой ему пока не светил. На него, согласно

опубликованному в середине июля приказу, можно было претендовать только после десяти сбитых. А такового боевого счёта, похоже, пока ещё на фронте вообще ни у кого не было. Ну, судя по газетным публикациям. Даже капитан Агапкин, пилот-герой, прославившийся ещё в Испании, которому целый разворот в «Правде» посвятили, пока смог завалить только девять немцев...

– У себя? – спросил он у сидевшего в приёмной дневального по штабу из состава местного БАО.

– Никак нет! – вскочив, вытянулся солдатик. – Ещё с утра с товарищем комиссаром в горком уехали.

Виталий притормозил. Хм, а кто ж его тогда вызывал?

– Это вам, скорее всего, к товарищу капитану надо, – сообщил солдатик после коротких расспросов. – Тут к нам товарищ политрук приехал, со штаба армии. Он сейчас у товарища капитана в кабинете сидит. А больше никого в штабе нет.

Хм, может, и так. Во всяком случае, не проверишь – не узнаешь. Чалый одёрнул гимнастёрку, пригладил волосы и, решительно стукнув по косяку, распахнул дверь.

– Тырщ капитан, лейтенант Чалый по ваше...

– Заходи-заходи, герой, – прервал его рапорт сидевший за столом помощник командира полка по ВСС капитан Калиничев, поднимаясь из-за стола. – Что ж ты не сказал, что три самолёта в одном бою завалил?

Виталий недоумённо замер. То есть... как это? У него же в личном деле всё...

– Вот, знакомься, товарищ корреспондент по твою душу из Москвы лично приехал.

– Э-эмм... Виталий, – несколько растерянно пробормотал новоиспечённый лейтенант. – То есть лейтена...

– Рад знакомству! – рукопожатие у корреспондента оказалось вполне мужским. Крепким. Да и хватка, да-аа... никак не «корреспондентская».

Для «пообщаться» им отвели класс лётной подготовки. Внимательно выслушав Виталия, политрук поморщился и прямо заявил:

– Да уж, если всё так описать, то ничего героического в вашем бою, товарищ Чалый, и нет.

– Ну да, – кивнул Виталий. – Так и есть. Повезло просто.

– А это, я вам скажу, политически неправильно. Сами видите что творится – немец прёт как оглашенный. Минск в полуокружении. Бои идут уже под Лепелем и Бобруйском. В полном окружении героически сражается Одесса. Людям жизненно необходимы победные примеры. Так что я предлагаю... – тут корреспондент сделал паузу, замялся, а потом решительно закончил: – Поработать над текстом, чтобы он выглядел более... воодушевляющим. Ну как, согласны?

Чалый несколько мгновений раздумывал, а затем осторожно кивнул:

– Согласен, – и поспешно добавил: – Но только чтобы полного вранья не было.

– Ну какое враньё? – всплеснул руками корреспондент. – Какое тут может быть враньё, если есть такие факты? В бою с вами немецко-фашистские оккупанты потеряли три боевых самолёта, так?

– Ну так...

– Вы вели по ним огонь и маневрировали, так?

– Ну-уу... так.

– Именно вследствие этого все три сбитых самолёта оказались на земле, всё правильно?

– Так, но...

– И никто посторонний в этот ваш бой не вмешался, потому что единственный, кто мог вам помочь – ваш ведущий, к тому моменту был уже сбит. Я ничего не перепутал?

– Н-нет, только...

– Во-от! – перебил его корреспондент, воздев кверху палец. – От этого и будем отталкиваться...

Беседа с политруком затянулась часа на три. Где-то через полтора часа вернулись командир с комиссаром и, не удержавшись, зашли в класс лётной подготовки. Командир постоял всего минут пять и вышел, зато комиссар присел на заднюю парту и принялся что-то старательно записывать в блокнот. Отчего Чалого даже слегка бросило в холод. Вот совсем ему не хотелось становиться этакой «говорящей головой», разъезжающей по частям и подразделениям с политинформацией о собственном героизме. Ну не чувствовал он себя таковым, совсем. Да и вообще, ему готовиться надо, новую машину осваивать. В училище-то их на «И-161» готовили, хотя те в тот момент уже снимались с производства. Но более новые машины на вооружение учебной эскадрильи их училища в тот момент ещё не поступили. Они вообще в более-менее значимых количествах появились в ВВС только осенью сорокового. Так что до конца июня даже не все приграничные части успели перевооружить на новые машины, так что нападение люфтваффе ВВС РККА встретили по большей части на ещё устаревшей технике. И сейчас последние из «И-161», находившихся в строевых частях, сгорали в жарких воздушных схватках. Новых же более не предвиделось, потому что заводы уже полностью перешли на производство более современных машин. А в каком состоянии те машины, которые были сняты с вооружения частей, успевших до начала войны перевооружиться на новую технику, – бог его знает... Из тех же моделей, которые пришли на смену этому воистину великому самолёту, он был хорошо знаком только со своим «Су-3ПВ». А теперь ему предстояло овладеть «лобастеньким», как именовался «ЛаГГ-2» из-за широкого лба, вызванного использованием двухрядного двигателя воздушного охлаждения «АШ-82». Одного из самых мощных, кстати – его взлётная мощность составляла тысячу восемьсот лошадиных сил. Мощнее был только Микулинский АМ-36М, который ставили на «сушки», штурмовики Ильюшина и новые тяжёлые дальние бомбардировщики. Он развивал на взлёте тысячу девятьсот лошадиных сил...

Когда не раз вспотевший Виталья выполз-таки из класса и двинулся в сторону выхода из штаба, его остановил капитан Калиничев.

- Вот что, Чалый, завтра с утра ко мне. Сдавать теорию и уставы.

- Товарищ капитан, - удивился лейтенант, - но ведь у нас же срок до пятн...

- У всех остальных - да. А тебе - завтра.

- Но почему?!

- Потому что со следующей недели начинаются вывозные у всего полка. Поэскадрильно. И заниматься с тобой индивидуально я не смогу. А вот до конца недели у меня на это время будет. Так что завтра сдаёшь теорию, а с послезавтра мы с тобой начнём летать. Потому как если такого орла и героя немец в первом же бою завалит - очень неприятно получится, не думаешь?

- Ну-уу... да, - протянул Виталий, но тут же насупился: - Но-оо...

- То-то и оно, - не дал ему продолжить капитан. - А ты к пилотированию «ЛаГГ» не готов совершенно. У тебя все рефлексy под твою «корову» заточены. И под медленные, крупные цели, идущие на огромной высоте, которые надо валить издалека. Скажешь, нет?

Виталий ещё больше насупился, но промолчал. А что говорить? Всё правильно. Маневренному воздушному бою он обучался только в училище. То есть по минимуму. Не та у него была машина в его старой эскадрилье.

- К тому же, лейтенант, тебе теперь не только за себя, но и за людей отвечать. Потому что, убей бог, тебя теперь минимум на звено поставят. А то и вообще на эскадрилью.

- Товарищ капитан, - вскинулся Чалый, - так я же не...

- «Не» ты или не «не» - никто не знает, - не дав ему до конца высказать своё удивление, вздохнул Калиничев. - А только так оно и будет. Можешь мне поверить. Так что - завтра сдаёшь теорию. Всё понял?

– Так точно! – по ещё не выветрившийся сержантской привычке гаркнул Виталий.

– Ну вот и хорошо, – удовлетворённо произнёс Калиничев и, развернувшись, двинулся назад по коридору, сопровождаемый унылым взглядом молодого лейтенанта. Потому как жизнь у новоиспечённого «героя» теперь ожидалась весьма тяжкой. Ибо капитан славился как человек, никому не дающий спуска. Впрочем, обоснование для этого у него было железное:

– Мне одного раза, когда моя эскадрилья за один вылет семи самолётов лишилась, до конца жизни хватит! Причём исключительно потому, что звено высотного прикрытия, в котором были такие же сопляки, как и вы, после атаки, вместо того чтобы снова уйти на высоту, ввязалось в маневренный бой на средних высотах. За немецкими «хвостами» гоняться начали, придурки... Тактика-то у нас – лучшая, вот только следовать её требованиям отчего-то некоторые совершенно не хотят. Только немца увидели – мозги вон, слюни в разные стороны и вперёд, руби-стреляй! А потом людям обгорелые обломки на земле собирать приходится... Так что хочет кто не хочет: пока теория от зубов отскакивать не будет – я вас в небо не выпущу. Да и там вы у меня не только летать и стрелять будете учиться, но и строй держать, и высотный эшелон, и всё такое прочее...

Следующие две недели Виталя выматывался так, что вечером еле доползал до койки в казарме. Несмотря на лейтенантское звание и должность (от комэска удалось-таки отвертеться, но командиром звена его всё-таки сделали), спал он вместе со всеми в казарме. Впрочем, как и большинство остальных «звеньевых»... Запасной авиаполк размещался на лётном поле калужского аэроклуба, так что с помещениями здесь было туговато. Вследствие чего даже комэски, штабные и сам комиссар ютились по четыре человека в комнате. Да даже и комполка с начштаба делили одну комнату на двоих...

К машине он привык довольно быстро. Вывозной полёт с Калиничевым, потом пара «коробочек» над аэродромом самостоятельно, и пом по воздушно-стрелковой службе дал ему разрешение на пилотаж в «зоне». И не то что дал, а прямо выгонял туда. Пока остальной личный состав не сдал теорию и «район», лейтенант Чалый делал по три вылета в день. А через полторы недели Калиничев вообще сказал:

– Так, всё, допуск у тебя полный, так что со своим звеном занимайся сам. У меня и без того дел по горло. Одного инструктора на завтра я тебе дам, а дальше – крутись как хочешь...

Комэск такой подход только одобрил. У них в эскадрилье оказалось больше всего новичков, так что с кем возиться ему было и без звена Чалого... Вот новоиспечённый лейтенант и командир звена и крутился как белка в колесе. Но, как выяснилось чуть позже, это всё была ещё спокойная и прямо-таки безмятежная жизнь.

Эта жизнь закончилась восьмого сентября, когда во время обеда в столовую вошёл комиссар с побелевшим лицом и негромко произнёс:

– Немцы прорвали фронт...

Все замерли. Как же так?! Ну ладно – отступали от границы. Были большие потери. Но ведь остановили же! Да и Минск не то чтобы немцы захватили – сами оставили. Уж больно неудачная конфигурация фронта сложилась. В конце августа немцам удалось-таки прорвать «Линию Сталина» севернее и южнее столицы советской Белоруссии и взять её в полуокружение, так что город стал похож на что-то вроде кусочка леденца на самом кончике длинного языка, в который превратился этот участок фронта. Поэтому, как только потоки эвакуируемых из столицы советской Белоруссии людей и оборудования практически иссякли, Ставка дала приказ оставить Минск и отходить к новой полосе укреплений, выстроенной по линии Витебск – Орша – Могилев и уже занятой войсками. Немцы попытались сесть им «на плечи» и с ходу прорвать и эту полосу, но не получилось. Войска, оставившие Минск, по большей части уже однажды проделали подобный, причём куда более длинный путь, отступая от Бреста и Белостока. Причём в тот раз они имели куда меньший боевой опыт. Так что все попытки «зацепиться» за отступавших, как правило, заканчивались ничем. И фрицам пришлось всё время прорываться через умело выставленные заслоны, напарываться на засады, беречь фланги и спешно перебрасывать резервы для купирования охватов и обходов. Снова, как и во время наступления от границы, каждый километр дороги приходилось брать с боем, а любую маломальски пригодную для обороны позицию штурмовать, разворачиваясь из походных в боевые порядки, потому что прорвать их удавалось только после того, как была подтянута и развёрнута артиллерия, а позиции закопавшихся по макушку русских тщательно обработаны авиацией. Так что прорваться через новую линию обороны «на плечах» отступающих частей и соединений не

получилось. А попытка с ходу атаковать заранее подготовленные позиции, заблаговременно заполненные свежими войсками, привела к тому, что немцы умылись кровью. О чём с весьма торжествующими нотками в голосе рассказал всему СССР Левитан... Так что всем казалось, что всё – время позора и отступления закончилось. Остановили. Баста! Теперь будем наступать. А как ещё-то? В казарме по вечерам даже целые споры затевались насчёт того, когда будет взят Берлин. И большинство сходилось на том, что к Новому году, ну максимум к весне. И тут такое...

– Кхм, сведения точные? – откашлявшись уточнил обедавший тут же комполка.

– Да, товарищ майор, – кивнул комиссар. – Пришёл приказ срочно сформировать на базе нашего полка боевую часть и быть готовыми в суточный срок убыть на фронт.

– Да они там что, с ума сош... – вытаращил глаза комполка, но тут же резко оборвал себя: – Кхм... так – командование полка жду у себя через пять минут, – после чего поднялся и торопливо двинулся на выход.

Чалый провожал его взволнованным взглядом. Нет, умом он его понимал. Дело в том, что запасной авиаполк – это отнюдь не боевая часть. У него отсутствуют часть подразделений, которые жизненно необходимы для организации полноценной боевой деятельности, например нету аэрофотослужбы, нету введённого в штаты перед войной, но уже успевшего доказать свою жизненную необходимость зенитно-пулемётного дивизиона, осуществляющего ПВО аэродрома в прифронтовой полосе, полностью отсутствует поисково-спасательная служба, урезан штаб, тыловые службы, сильно сокращён автотранспорт. А зачем он, если ЗАП, по всем планам, должен спокойно сидеть на давно обустроенном и оборудованном месте, никуда не передислоцируясь? Он же боевые действия не ведёт, а только осуществляет восстановление лётных навыков пилотов, прибывших из госпиталей после излечения, или доподготовку выпускников лётных школ и училищ. Ну а в случае если и возникнет подобная необходимость, его передислокацией будет заниматься непосредственно тыл той воздушной армии, к которой он приписан. Но зато в штате полка имеются пилоты-инструкторы, которые не входят в состав учебных подразделений и летали в боевых условиях. И что с ними делать – надо ещё придумать. То ли создать из них отдельную эскадрилью, то ли раскидать по имеющимся, переформатировав их таким образом, чтобы опытные лётчики-инструкторы существенно повысили боеспособность подразделений... Нет, большую часть

вопросов, вероятно, можно как-то снять, в конце концов рядом довольно крупный город – Калуга, с руководством которого у командования полка вроде как установились довольно хорошие рабочие отношения. Даже вон кое-какой приварок в столовке появился. Но не за сутки же... Но так то умом! А вот сердце бешено билось в груди от радостного возбуждения. На фронт! Бить фашистскую нечисть! Наконец-то!

Впрочем, уже через пару часов радостное возбуждение утихло, уступив место тревоге. Немцы не только прорвали фронт, но и продолжали стремительно двигаться вперёд. В сводках Совинформбюро особенной конкретики не было, но названия населённых пунктов мелькали. И по ним выходило, что прорыв достаточно серьёзен. Его ширина составляла уже не менее двадцати пяти километров (ну если судить по названиям деревень, оставленных советскими войсками, конечно же, после «тяжёлых оборонительных боёв»), а глубина уже сейчас, на второй день немецкого наступления, приближалась к сорока. И это означало, что немцы прорвали полосу укреплений на всю глубину и вышли на оперативный простор.

К вечеру в штаб полка, который и так стоял на ушах, поступила радиограмма из штаба воздушной армии, в которой предписывалось срочно организовать заправку самолётов полка военно-транспортной авиации. Командир полка, прочитав приказ, смачно сплюнул:

– И так времени нет – так ещё и это!

Но деваться было некуда – приказ пришёл под такими «грифами», что не выполнить его было просто невозможно. Так что подготовка к передислокации временно прекратилась, самолёты полка торопливо оттащили подальше от ВПП, а все имеющиеся в полку топливозаправщики на базе «ЗиС» залили горючим под пробки и выстроили по краю лётного поля.

Транспортники прилетели, когда уже начало темнеть. Причём такие, которых Виталий никогда и не видел. Огромные уродливые машины с дико раздутым фюзеляжем, над которым этакой «нахлобучкой» торчала пилотская кабина, с шестью двигателями на мощных крыльях и странным многоколёсным шасси, издавала чем-то напоминающим гусеничное. Движки, судя по числу торчащих из-под скромных капотов цилиндров точно такие же, которые ставились на «И-161».

– Эх ты ж... а это что за жабы? – удивлённо выдал Гостышев. Чалый недоумённо пожал плечами.

– Не знаю. Никогда таких не видел.

– Вот интересно, а что это они такое везут?

– Как улетят – у техников спросим, – усмехнулся Виталий. – Не верю, что Пилипенко ничего разузнать не сможет.

– Это – да... – мелкий, шустрый хохол, состоявший в их эскадрильи на должности мастера по кислородному оборудованию, был известен тем, что знал всё и обо всём. Где что достать, где что узнать, что на что обменять – это было к нему. У него было всё – от сигарет «Казбек» и до зимних портянок летом. А если чего и не было – так очень быстро появлялось. Ну, если в этом у кого возникала нужда. И обстановку на фронте он знал лучше Левитана. Ну, по его словам... Хотя вот в этом вопросе у народа не было полного единодушия.

С заправкой транспортников провозились полночи. Баки у них оказались просто бездонными (ну ещё бы: шесть движков и дальность – куда там одномоторным истребителям), так что одной «заливки» автозаправщиков на полную заправку этих самолётов не хватило. И даже двух не до конца... Так что топливозаправщикам пришлось ещё минимум по разу скататься на склад ГСМ, чтобы заново заполнить опустевшие цистерны. Вследствие чего новости Виталий узнал уже утром. Потому что когда первый автозаправщик развернулся и, прорезая ночную темень горящими фарами (маскировка – маскировкой, но уж очень начальство их торопило, да и до линии фронта отсюда было более четырёхсот километров), двинулся в сторону склада ГСМ, он решил не дожидаться окончания всей этой суматохи и отправиться на боковую. Утром всё равно всем всё станет известно, даже если изначально информацию получит один Пилипенко. А у них и так завтра тяжёлый день. Передислокация, а потом, может, и сразу в бой. Хотя вряд ли. Район полётов не изучен, тылы до нового места дислокации будут добираться не менее пары-тройки суток, где брать топливо и боеприпасы, тоже по прилёте будет ясно не сразу, но кто его знает, как оно там на деле повернётся. Война – дело такое, непредсказуемое...

Сведения, добытые, как и предполагалось, именно Пилипенко, оказались... странными.

– Сапёры это какие-то.

– Сапёры? – удивился Виталий.

– Ну да, – досадливо сморщился техник. – Сам ничего понять не могу.

И действительно – на хрена ночью на явно очень непростых самолётах перебрасывать навстречу наступающим немцам сапёрный батальон? Или полк? Ну вот чем они помогут против немецких танков? Брёвнами закидают? Или лопатами забьют? Ну ладно – пусть ломами.

Как бы там ни было – долго думать над этой загадкой времени не было. Потому что после завтрака было объявлено, что сразу после обеда полк улетает к новому месту дислокации. То есть командир полка в сопровождении звена, сформированного из инструкторов, вылетал немедленно. Для рекогносцировки и всех необходимых на новом месте согласований. А вот весь остальной полк под командованием помощника по ВСС капитана Калиничева уже после обеда. Начальник штаба летел с командиром, а зам по тылу оставался организовывать переброску технических и наземных служб и должен был прибыть вместе с автоколонной.

Первая половина дня прошла очень суматошно. Полк собирался лихорадочно и бардачно. Так что после обеда, вместо вылета, всех летчиков-сержантов даже бросили на погрузку грузовиков, которые выделило руководство Калуги. Ненадолго. Только на текущий переезд. До Ярцево, под которым находился аэродром, назначенный полку как новое место дислокации, было всего около трёхсот километров, так что за пару дней должны добраться даже просёлками. А потом вылет ещё и отложили. Пришло указание от комполка ждать одного из инструкторов, улетевших вместе с комполка, который должен был «лидировать» полк во время перелёта. Так что к новому аэродрому, расположенному в окрестностях Ярцево, они подлетели уже на вечерней заре. И садившееся на западе солнце слепило глаза. Поэтому когда в наушниках раздалось: «Мессеры!» – Виталий в первую секунду всего лишь удивился. И только потом начал действовать. Но было уже поздно. Самолёт вздрогнул, после чего машину повело вправо, и она начала заваливаться на крыло. Руки начали действовать на автомате, а в голове билась мысль:

«Блин, в первом же вылете, как Калиничев и говорил...»

– Ноль полсотни третий, приказываю прыгать! – ворвался в наушники голос командира полка, похоже, наблюдавшего за их подходом с земли. Но машина Виталия, зиявшая огромным дырами в плоскости, каким-то чудом выровнялась и продолжила лететь. Пусть и сильно скособочась.

– Ноль полсотни третий, слышите меня?

Но Чалый не отвечал. То ли боясь, что если ответит, то ему придётся выполнить приказ, то ли просто вследствие того, что челюсти от напряжения буквально свело судорогой.

– Ноль полсот... ноль одиннадцатый, слева, слева сверху заходят! Ноль одинна... ааа, сука...

Небо над аэродромом расцвело строчками трассирующих пуль зенитных пулемётов. Ну да – тут же дислоцировались части, развёрнутые по нормальному штату. Справа и слева потянулись дымные росчерки очередей товарищей. Но Виталий не отвлекался, продолжая держать, держать, держать машину, так и норовившую завалиться на крыло и рухнуть...

– Я – ноль-два-шесть, – ворвался в наушники новый голос, – вторая эскадрилья – на высоту. Не отвлекаться! Вверх, ребята, вверх. Остальные вас прикроют. Как только вы отберёте у фрицев высоту – они уйдут. Проверено. Так что вверх и побыстрее. Этим вы всех спасёте...

Приземлиться... удалось. На брюхо. Правая стойка шасси так и не вышла. На земле лейтенанта Чалого ждала выволочка от командира полка, который в конце её неожиданно его обнял.

– А что машину сохранил – молодец! С вами в конце командир сто двадцать шестого истребительного авиаполка говорил. Они тут с самого начала с немцами дерутся... Так у них на весь полк только семь машин осталось. Поэтому сейчас каждый самолёт на счету. Немцы жуть как давят. Так что починим ещё твоего «лобастенького». Завтра уже немчуре мстить начнёшь...

Но на следующий день вылететь у Виталия не получилось. Даже несмотря на то, что самолётами прилетевшего полка занялись техники сто двадцать шестого. Ну да по сравнению с числом исправных самолётов, требующих обслуживания,

рабочих рук техсостава в сто двадцать шестом был явный избыток... Но его самолёту это не особенно помогло. Дело было в том, что на вооружении «хозяев» стояли истребители Яковлева, а гости прибыли на «ЛаГГах». И если заправить исправные самолёты и пополнить их боезапас для местных техников было нетрудно, то вот со средним ремонтом, который требовался его машине, уже были проблемы. Нет, кое-что можно было сделать. В конце концов, и набор приборов, и средства связи, и то же вооружение на всех советских истребителях были вполне себе типовыми, различаясь только числом стволов. Например, на «ЛаГГах», позиционируемых как истребители завоевания превосходства в воздухе, стояло две авиапушки калибра двадцать три миллиметра и два крупнокалиберных пулемёта, а на «Яках», считающийся истребителями прикрытия и ближнего сопровождения, при том же числе пулемётов пушка была установлена всего одна. Но вот с повреждениями двигателя, винта либо иных частей самолёта, требующих для ремонта запчастей, предназначенных для данной конкретной модели истребителя, местные ничем помочь не могли. Так что самолётом Виталия занялись только в обед. Когда прибыла колонна полковых технических служб. А сам ремонт затянулся до вечера.

Так что весь день Виталий провёл, изучая район полётов. Нет, они все этим занялись ещё с вечера, когда прилетели, а утром, после завтрака, даже состоялось нечто вроде зачёта, который Чалый вполне себе успешно сдал. Но разве можно за пару-тройку часов выучить район размером двести пятьдесят на двести километров? Да ещё когда после крайне суматошного дня и пусть и короткого, но перелёта, глаза начинают откровенно слипаться? Однако, как видно, такая была обстановка на фронте, что ждать было нельзя. И потому сразу после завтрака полк пошёл на взлёт. А он взял карту и поплёлся в тенёк, страдать и ждать возвращения товарищей...

К вечеру потери полка составили девять самолётов. То есть ни одна эскадрилья день без потерь не пережила. Убитых пилотов оказалось двое. Ещё трое смогли выпрыгнуть, а четыре машины удалось посадить на вынужденную. И три из них техслужба обещалась снова ввести в строй. Причём две уже завтра к вечеру. А самолёт Виталия обещали полностью ввести в строй утром.

Так что следующего утра лейтенант Чалый ждал с нетерпением. Даже проснулся пораньше. Тогда, когда разбудили на завтрак дежурное звено. Оно сегодня впервые должно было быть от их полка. Вчера весь день дежурили «осы», как именовали «Яки». Но у них вообще за вчерашний день был всего один вылет, и тот звеном. Похоже, с прибытием их полка командование решило дать

им чуток вздохнуть. А после завтрака «соседи» вообще должны были начать собираться, потому что вчера вечером им поступило распоряжение готовиться к передислокации. Семь самолётов на полк – курам на смех. Да и те уже изношены донельзя. От самой границы ведь воюют. И как?! По рассказам выходило, что во время боёв в среднем по три-четыре вылета в день делали. А в самые напряжённые дни так и по пять-шесть умудрялись. Жуть! До войны, как рассказывали старожилы ещё в его первой эскадрилье, три вылета в день делалось только на специальных учениях по «интенсивности». Так к ним назначенные на это дело части по три месяца готовились, техников гоняли, механиков, заправочную аппаратуру до блеска доводили. Да и что это за вылеты были? Взлёт, пролёт по коробочке (пусть и не вокруг аэродрома, а побольше) и посадка. А тут полноценные боевые. Каждый минимум часа по полтора, а то и по два. Да плюс время на заправку и обслуживание. И как успевали только? И как пилоты выдержали?

С первым вылетом Виталий снова пролетал. Нет, ремонт его самолёта ко вчерашнему вечеру был полностью закончен, но вот провести пристрелку бортового вооружения до темноты так и не успели. Так что после завтрака лейтенант Чалый вместе с техниками проводил взглядом исчезающие в синеве неба самолёты полка и побрёл на стоянку, где техники дружно взгромоздили на козлы хвост его самолёта.

– Точку сведения на какой дистанции делать будем? – поинтересовался у него оружейник. Виталий задумался. Штатно точку сведения (то есть воображаемую точку, в которой сходились траектории всего бортового вооружения, вне зависимости, где оно размещено – на оси винта, по бокам от мотора или на крыльях), устанавливали на сто метров, но большинство уже повоевавших пилотов сдвигало её ещё ближе – метров на пятьдесят. На своём опыте убедившись, что открывать огонь с более далёкой дистанции практически бесполезно. Но ведь он не все! На «сушке» он стрелял и попадал и с пятисот и, даже с семисот метров. Да – там другие прицелы и другое оружие. Если стоящие на «Су-3ПВ» четырнадцати с половиной миллиметровые пулемёты имели начальную скорость пули в тысячу метров в секунду и вследствие этого очень хорошую настильность траектории, то те же двадцатитрёхмиллиметровые пушки, являющиеся основным вооружением «ЛаГГов», – всего семьсот. У крыльевых крупнокалиберных двенадцати- и семи-миллиметровых пулемётов начальная скорость, конечно, повыше, но у них пуля почти в полтора раза легче, чем у четырнадцати с половиной миллиметровых.

- Давай на-а... сто пятьдесят.

- А попадешь, снайпер? – ухмыльнулся оружейник. Чалый насупился, но затем махнул рукой. А что – всё правильно. Вон сколько разговоров вокруг него в полку ходило, как же – самый большой боевой счёт, а по факту что получилось? Первый же вылет в составе полка, причём даже не боевой, а просто перелёт – и он на земле, а полк воюет. И как к нему ещё люди относиться должны?

С пристрелкой провозились около часа, измочалив четыре пристрелочные мишени. Старые хозяева аэродрома – истребительный полк на «Яках», к тому моменту уже успели собраться и улететь. А чуть погодя вслед за стартовавшими самолётами на восток неторопливо потянулись и грузовики с имуществом и прицепленными к ним «ЗПУ-4». Договориться, чтобы хотя бы часть зенитных пулемётов задержалась на аэродроме, командиру их полка так и не удалось. Да и немудрено. Всем было понятно, что с оставшимися расчётами, скорее всего, придётся попрощаться навсегда. А когда там им придёт замена – никому не известно. Потери-то в воюющих частях были огромными не только в самолётах. Да плюс к этому ещё и сколько новых полков формируется. Все лётные школы и училища уже сделали ускоренные выпуски и спешно переходили на подготовку пилотов по сокращённой военной программе...

- Ракета!

Услышав этот крик со стороны КПП, лейтенант, устроившийся в теньке под крылом в ожидании возвращения полка на аэродром, полностью готовый к вылету и даже уже надевший парашют, взвился на ноги, попутно приложившись лбом об элерон, и уставился в небеса, лихорадочно крутя головой... А от места стоянки дежурного звена уже раздался рёв запускаемых моторов. Сидевшие неподалёку техники также вскочили и завертели головами.

- Да где немцы-то? – нервно вскрикнул кто-то. – Не видно что-то?

- И где ты их увидеть-то захотел? – огрызнулся Пилипенко. – Явно же с постов ВНОС передали. Или вообще какой РУС где-то поблизости на холмике притаился. А он самолёты аж за сто километров засечь может.

- Да иди ты...

- Точно говорю! И даже больше. Так что немчуре ещё до нас лететь и лететь...

Но противник неожиданно появился довольно быстро. Уже через пять минут высоко в небе километрах в пяти-шести от аэродрома завертелась карусель воздушной схватки. Разглядеть, где какие самолёты, на такой дальности было невозможно, но народ всё равно жадно смотрел на кувыркавшиеся вдалеке точки. Так что резкий вопрос, раздавшийся за спиной лейтенанта, оказался для него полностью неожиданным.

- Самолёт к вылету готов?!

Чалый вздрогнул и развернулся. Перед ним, тяжело дыша, стоял капитан Калиничев.

- Так точ...

- Снимай парашют!

Виталий удивлённо воззрился на помощника командира полка.

- Товарищ капи...

- Блин, да снимай быстрее. Дежурное звено сцепилось с «мессерами», а нам передали, что на нас «лаптёжники» прут. Те «мессеры», судя по всему, группой «расчистки» были...

Чалый моргнул, ну да – самолёт, закреплённый за капитаном, был сегодня временно передан одному из тех, кто вчера потерял свой самолёт, но сумел выпрыгнуть невредимым. Ну, чтобы звенья и эскадрильи пошли на вылет более полным составом. Потому что помощник по ВСС был сегодня оставлен дежурным по штабу. Так что Виталин «лобастенький» в настоящий момент был единственной готовой к вылету машиной на аэродроме... А затем набычился. Это не давало никому права отбирать у него его собственную машину.

- Товарищ капитан, это – мой самолёт. Он закреплён за мной приказом по полку. И на нём вылечу я.

– Ты что, молодой, не понимаешь, что...

– У меня семь сбитых. И я полностью готов к вылету, – упрямо произнёс Виталий. И добавил: – К тому же у меня есть опыт вылетов на боевое задание в одиночку, – после чего чётко отдал честь и, развернувшись, полез на крыло. Ждать, пока приволокут лесенку, времени не было.

Капитан Калиничев вскочил на крыло, когда самолёт Чалого уже взревел мотором. Он наклонился к пилоту и прорычал:

– Ну смотри, лейтенант, собьют – две недели из-за парты не вылезешь.

– Может, и собьют, – тихо произнёс тот, – только ни одна бомба на аэродром не упадёт – обещаю.

Калиничев мгновение молча сверлил Виталия горящим взглядом, а затем кивнул и, резким движением захлопнув фонарь, спрыгнул на землю.

Глава 5

– Как же это всё надоело!

Курсант первого курса Подольского стрелково-пулемётного училища Пашка Капустин с силой вонзил штык малой сапёрной лопатки в мёрзлую землю и, подхватив увесистый шмат промёрзшей глины, выкинул его наружу окопчика.

– Люди там с немцами дерутся, подвиги совершают, а мы здесь «овощехранилища» копаем. Вот на хрена это надо, если нам уже отступить и обороняться не придётся?

– Почему это не придётся-то? – удивился его сосед по койке в казарме Сашка Чалый.

– Так ведь остановили же фрицев! – ответил Паша, возмущённый непонятливостью приятеля. – Теперь только наступать будем.

– Капустин, опять башку наружу высунул. Считай, труп. Плюс один окоп.

– Есть! Так точно! – зло рявкнул Пашка, ныряя вниз. – Блин, ну вот как Бульдозер всё замечает-то? На том же конце стоит...

Бульдозером в училище прозвали преподавателя по военно-инженерной подготовке, которой в программе было уделено очень большое внимание. Достаточно сказать, что почти треть всего времени, отведённого на подготовку будущих красных командиров, было занято именно инженерной подготовкой. Причём основным методом, который применялся для обучения данному разделу военной науки, была практика. Так что за те четыре с половиной месяца, которые два приятеля провели в стенах стрелково-пулемётного училища, они успели в совершенстве изучить не только порядок оборудования окопа для стрельбы лёжа, но также и окопа для стрельбы с колена, стоя, под пулемётный расчёт, под расчёт ПТР, под ротный миномёт и прочая, и прочая, и прочая. Несколько загадочным для них пока оставался только лишь «окоп для стрельбы стоя на лошади», которым Бульдозер регулярно грозил наиболее нерадивым, но все курсанты были уже достаточно опытными, чтобы суметь прикинуть примерные линейные размеры данного инженерного сооружения. И охренеть... Причём всё изученное пришлось ещё и неоднократно воплотить на практике. Так что одних только взводных опорных пунктов они за эти месяцы выкопали не менее шести. И парочку ротных. Причём полноценных – с траншеями, перекрытыми щелями, блиндажами, ходами сообщения, отсечными позициями и даже оборудованными отхожими местами... Да они тактикой и огневой подготовкой занимались меньше, чем инженерной!

– Ну, я не знаю... в стратегическом плане ты, конечно, прав, но в то, что более ни одной дивизии или, там, полку, не придётся в оборону вставать, я не верю, – не согласился с другом курсант Чалый. – Да и в стратегическом плане тоже не сто процентов. Сам вспомни, после того как фрицев под Витебском и Оршей тормознули, тоже ведь все считали, что всё – остановили! Теперь наша очередь наступать. И чего? Где сейчас немцы? Под Калугой уже!

– Ну, до Калуги ещё...

- Всего семьдесят пять километров. Немцы уже Москву бомбить пытаются...

- И всё равно. Тогда ещё, как ты помнишь, мобилизация не закончилась, - упрямо не согласился Пашка, выбрасывая из окопа очередной ком мёрзлой глины.

- Вот что, стратеги, у вас ещё восемь минут до конца норматива осталось. Так что кончайте тут анализ влияния мобилизации на стратегическую обстановку проводить и поднажмите, - внезапно раздался голос Бульдозера прямо у них над головами. - А то хрен вы у меня зачёт получите.

- Так мы уже почти всё, Осип Никодимыч! - поспешно воскликнул Пашка. - Только подровнять и дёрн с бермы на бруствер убрать.

- Вот этим и займись, Капустин. Причём так, чтобы при этом твоя дурная башка поверх бруствера не торчала, понятно? Я вас не для того учу, чтобы тебя в первом же бою подстрелили...

Отмываться после занятий на этот раз пришлось не слишком долго. Ранние морозы уже достаточно прихватили грязь, так что теперь они изгваздывались куда меньше, чем ещё даже неделей раньше, когда температура не ушла в заметный минус. Но всё равно полчаса на то, чтобы отмыть сапоги и застирать ватники с ватными штанами, в которые их переобмундировали после того, как температура воздуха начала стабильно держаться ниже минус пяти, пришлось потратить. Поэтому на ужин их курсантский взвод немного опоздал. И на вечернюю политинформацию тоже. А на ней взорвалась «бомба»...

- Чалый, ты говорил, у тебя брат лётчик?! - налетел на него комсорг роты, едва только Сашка появился в Ленинской комнате.

- Ну да, а что? - недоумённо спросил тот.

- Ему Героя дали! - восторженно заорал комсорг, размахивая газетой.

- Че... чего? - мгновенно охрипшим голосом переспросил Сашка. Но ему никто не ответил. Потому что Капустин (вот сволочь такая!) тут же заорал:

– Качать Чалого-о-о-о!

И все курсанты, столпившиеся вокруг Сашки, тут же подхватили его и швырнули вверх, не обращая внимание на его вопли:

– Вы чего? Я ж не... Это ж не мне...

Заполучить газету со столь сногшибательной новостью ему удалось только минут через пять. Когда толпа крепких парней возрастом от семнадцати и старше, успевших за прошедшие четыре с лишним месяца ещё и неплохо подкачаться, регулярно и помногу махая лопатами, наконец-то чуть подустала. Вследствие чего ему и удалось-таки вырваться и выхватить у комсорга газетный лист. Развернув «Красную звезду», он впился глазами в мелкие строчки и быстро нашёл: «...лейтенант Чалый Виталий Андреевич – за мужество и стойкость, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и десять сбитых самолётов противника». Ну, Виталя, ну-у-у... герой!

Новость о том, что брату одного из курсантов присвоили звание Героя Советского Союза, разлетелась по училищу мгновенно. И принесла Сашке кроме законной гордости ещё и множество хлопот. Поскольку отсвет Виталькиной славы пал и на него, всю следующую неделю ему пришлось по повелению политотдела выступить перед курсантами и своего, и соседнего артиллерийского училища, а также вместе с прибывшими с фронта бойцами и командирами присутствовать на трёх митингах в трудовых коллективах города Подольска. Сашка сильно стеснялся, потому как ну он же сам ничего не сделал, просто родился в той же семье, что и Герой... Но когда он попытался высказать всё это начальнику политотдела училища, тот отчитал его, строго заявив, что герои на пустом месте просто так не появляются. Героем человека делают морально-волевые качества, которые как раз и воспитываются в семье. И вот о том, как в их семье получилось воспитать героя, у Сашки все и спрашивают.

– Разве не так, курсант Чалый?

– Так точно, – уныло отозвался Сашка и, сделав чёткий разворот через левое плечо, покинул кабинет НачПО.

Впрочем кроме забот и хлопот всё это принесло Сашке и некоторые дивиденды. Во-первых, Танечка, официантка из училищной столовой, к которой неровно

дышал почти весь их взвод, начала его хоть как-то выделять. И даже согласилась потанцевать с ним в училищном клубе на вечере, который должен был состояться Седьмого ноября после торжественного заседания и праздничного концерта, посвящённых двадцать четвёртой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Во-вторых, преподаватели также стали относиться к нему немножко по-другому. Нет, никаких поблажек. Наоборот, его стали ещё больше гонять, заявляя, что негоже брату героя показывать плохие результаты в учёбе... Но, например, преподаватель огневой подготовки старший лейтенант Пивоваров на последних стрельбах дополнительно выделил ему аж девять лишних патронов к противотанковому ружью. Мол, брат героя должен в совершенстве владеть оружием! Так что давай, тренируйся... А преподаватель тактики майор Тухтаев по его просьбе дал их взводу на ночь в казарму свой собственный конспект, который они полночи по очереди переписывали сначала с тетради майора, а потом уже с конспектов тех, кто переписал первыми... Ну а самое приятное случилось через неделю.

– Чалый, к начальнику политотдела! – проорал дневальный, едва они только ввалились в тёплую казарму после целого дня на стрельбище.

– Срочно? – уточнил командир его отделения.

– Не-а, – отозвался дневальный. – Два часа назад сообщили, чтобы ты прибыл после того, как взвод вернётся со стрельбища.

– Тогда сапоги успеешь помыть, – развернулся комот в сторону Сашки.

– И без тебя знаю, Тимка, – огрызнулся тот. Ну вот совсем ему не хотелось идти к НачПО. Точно ведь опять завтра на какой-нибудь митинг ехать заставит!

Но действительность оказалась куда приятней.

– Значит так, курсант, – улыбаясь, сообщил ему начальник политотдела, когда Сашка браво доложил ему о прибытии, – тут тебе пришло письмо от второго твоего брата... ты уж извини, пришлось его вскрыть – сам знаешь, к тебе теперь внимание особенное. Так вот брат твой пишет, что его с семьёй эвакуировали из Ленинграда. И он теперь в Москве... точнее, под Москвой. Адрес там есть – увидишь. Но, самое главное, завтра к нему обещал заехать твой брат-герой, – начальник политотдела сделал многозначительную паузу. – Так вот, завтра из

училища на окружные склады едет грузовик. И командование приняло решение отправить тебя с ним и дать тебе увольнительную на двое суток. Чтобы ты повстречался с семьёй... ну и, если это будет возможно, уговорил брата выступить перед курсантами нашего училища...

До дома, в котором теперь проживал старший брат – Константин, Сашка добрался, когда уже совсем стемнело. Это «под» оказалось хоть и не слишком далеко от Москвы, но весьма труднодоступно. Общественный транспорт сюда не ходил, так что добираться пришлось на перекладных. А транспорт по Москве нынче передвигался всё больше военный, попутчиков брать вследствие патрулей не очень-то расположенный, так что несмотря на не слишком большое расстояние, дорога заняла более пяти часов. Пешком бы за столько же дошёл. Ну после всех тех маршей, которые пришлось прошагать за время учёбы...

Поднявшись на второй этаж, он сверился с указанным в письме номером квартиры, после чего надавил на кнопку звонка. Но тот никак не отозвался на это действие. Сашка пару секунд помялся, а затем собрался с духом и требовательно заколотил в массивную дверь.

– Чего тебе? – сердито рявкнула на него какая-то бабка в шали, высунувшаяся в приоткрытую щель. Но, увидев шинель, ушанку с кокардой и курсантские погоны, тут же сбавила тон. – Ты к кому, солдатик?

– Тут это... – снова оробел Сашка. – Брату у меня комнату выделили. Он адрес прислал – вот.

– Это тот, к которому герой приехал? – тут же оживилась... да нет, не бабка, а вполне себе молодая женщина. Только, похоже, сильно усталая. Вон какие круги под глазами и кожа такая... землистая, как у покойника... И-и... улыбнулась. Сразу став ещё лет на десять моложе.

– Ну-у... да.

– Тогда проходи. Они там на кухне засели.

Брат-герой обнаружился за большим столом, занимающим большую часть не маленькой кухни, с могучей дровяной плитой вдоль длинной стены, вокруг которого плотно сидели около полутора десятков мужчин и женщин и

внимательно слушали то, что брат рассказывал:

– ...«мессеры» сверху прикрывали. А я из-под брюха зашёл. С земли. У «ЛаГГа» мотор мощный, на вертикалях хорошо тянет, а у «лаптёжника» оборонительная точка только сзади сверху имеется. Так что приспособился. Разгонюсь, потом на «горку», высажу пару-тройку очередей и опять вниз. «Мессерам» меня под «лаптёжниками» не достать, им самим меня тоже прижучить нечем, а к земле прижаться уже времени нет. Пикировщикам-то для того, чтобы бомбы сбросить, высота нужна, а наш аэродром уже рядом. Так что если они вниз уйдут – высоту до удара никак набрать не успеют... так минут десять и покрутился. Двоих повредил... ну так, чтобы они бомбы скинули и уходить начали, а остальные прут и прут. Такая злость меня взяла! – Виталий в сердцах махнул рукой, а затем ухватил со стола стакан с чем-то розовым и сделал большой глоток.

– И чего? Дальше-то что было? – не выдержал один из слушателей.

– Дальше? Дальше повезло просто. Я решил попытаться ведущего свалить. А для этого надо было поближе подобраться. Вот я на следующей «горке» и потянул наверх насколько мог, – брат снова сделал паузу. Но затянуть её ему не дали.

– Ну и? – нетерпеливо спросил другой слушатель, с чёрными петлицами артиллериста.

– В бомбу попал, – Виталя рубанул рукой. – Ну, похоже... Ведущего на куски разорвало. И соседнему «лаптю» тоже прилетело, дай бог. После чего остальные врассыпную и кинулись.

– А «мессеры»?

– А вот после этого они меня и завалили, – вздохнул брат, – даже дёрнуться не успел. Как «лаптёжники» врассыпную кинулись – я ж у них как на ладони оказался. А скорости у меня из-за того, что к ведущему почти вплотную подлез, вообще не было. Чистая мишень...

– Опа! А третьего ты когда завалил? – поинтересовался один из лётчиков.

– Да это один из тех, что я раньше подбил, до линии фронта добраться не сумел. Километрах в десяти на вынужденную грохнулся. А экипаж его какие-то водители с проезжавшей рядом автоколонны тёпленькими взяли. Вот мне его и записали. Потом. Когда в полк подтверждение пришло... – тут Виталя пошевелил ногой и сморщился. – И ногу мне тогда ещё осколком повредило. Одну и ту же второй раз. Несчастливая она у меня какая-то... С тех пор так по госпиталям и мыкаюсь.

В этот момент Сашку увидел Костя и, разулыбавшись, замахал рукой:

– Сашка, давай к нам! Какими судьбами здесь?

С него тут же стянули шинель, усадили за стол и навалили полную тарелку всякой снеди. От тарелки пахло так вкусно, что следующие пятнадцать минут успевший за время поисков слегка подмёрзнуть и изрядно проголодаться курсант был занят только тем, что работал ложкой. Нет, в училище кормили неплохо – щи, каша с тушёной, сливочное масло по утрам и на ужин, сахар. Дома не всегда так ели. Но при тех нагрузках есть всё равно хотелось почти круглосуточно...

– Вот, американской колбаски ещё наверни, – подвинул к нему открытую прямоугольную консервную банку с розовым содержимым Константин. – Нам в КБ на Седьмое ноября праздничный паёк выдали. Американскую консервированную колбасу, ну из тех, что ещё до войны в госрезервы закупали. SPAM называется. Помнишь – про них ещё большая статья в «Правде» выходила. И ещё про сушёную треску и конфеты, – пояснил он Виталию. – Ты такую колбасу явно пробовал. Она же в лётные пайки идёт.

Тот вздохнул.

– Давненько пробовал. Пока, как видишь, в тылу ошиваюсь. Хрен его знает – заживёт нога или нет. Слава богу, из госпиталя выпустили, а то вообще такая тоска была...

– Ничего, Виталя, – хлопнул его по плечу один из сидевших за столом лётчиков. – Ты уже от этой войны столько получил – нам и не снилось. Герой Советского Союза! Как Ляпидевский!

– Да разве ж в наградах дело? – скривился брат. – Летать хочу. Немцев бить! Я бы, вот честно, все свои награды отдал бы, если бы это мне побыстрее выздороветь помогло... Ладно, что это всё про меня да про меня. Пусть вон лучше молодой расскажет, как у него учёба идёт.

– Амана сё, – отозвался курсант, продолжая наворачивать то, что ему наложили в тарелку. – Гы-гневую недавно а атлинно сдал, – он торопливо сглотнул: – Огневую подготовку в смысле. И вообще – у меня по всем предметам пятёрки. Ну-у, кроме военно-инженерной...

– А вот это ты зря, – тут же вступил тот самый военный с артиллерийскими петлицами. – На войне как следует закопаться – первое дело. Я тебе так скажу – те, кто под немецкими снарядами и бомбами побывал, нынче даже не то что по уставу и наставлениям всё делают, а гораздо больше. Вот у нас по наставлению на позицию гаубицы всего одна перекрытая щель полагается, а мы теперь по две-три откапываем. В разных местах. Чтобы сразу как свист снаряда услышал – прыг, и уже в укрытии. А то если мгновение-другое помедлить, так и конец настанет. Накроет немецким снарядом, и всё – пиши комбату похоронку. Или те же хода сообщения? Не только к снарядному дворику и в тыл делаем, но и к соседним позициям копаем, если время есть. Немец – он, сволочь, враг умелый. Эвон сколько уже народов и стран захватил. Так что едва только начинаем по запросам пехоты работать, как уже чуть не на пятом снаряде ответка начинает прилетать. И если даже чуть поленишься, то там все и останемся. Когда там ещё контрбатареишки ответный огонь подавят. Да и не факт, что вообще подавят... А так – ничо, как видишь, воюем помаленьку. Я так с самой границы – и до сих пор живой и немца бью...

Тут все сидевшие за столом военные возбуждённо загомонили, вспоминая те схватки с немчурой и всякие поучительные случаи, которые им самим пришлось пережить за четыре с лишним месяца этой войны. Сашка жадно слушал, впрочем, не забывая при этом активно работать ложкой. Тем более что его больше никто ни о чём не спрашивал.

Минут через десять, когда он, отдуваясь, отвалился от стола, разговор окончательно разбился на несколько очагов. Лётчики спорили о чём-то своём, вокруг артиллериста сложился кружок поклонников «бога войны», а на дальнем конце о чём-то шушукались женщины... Жена Костика – светловолосая и сероглазая ленинградка с необычным именем Ампи, находившаяся на последнем месяце беременности, заметив, что он покончил с едой, тут же тяжело

поднялась и, достав из буфета кружку, налила ему чая. После чего ещё раз нырнула в буфет и, улыбаясь, положила перед ним три карамельки. Сашка благодарно улыбнулся ей в ответ и, развернув конфету, откусил маленький кусочек, после чего, зажав его в зубах, с удовольствием отхлебнул большой глоток. Горячий чай омыл сладкую конфету и, набрав от неё немного сладости, ухнул в плотно набитый желудок, растекаясь там почти забытым ощущением сытости и этакой ленивой неги. От обильной еды он осоловел и впал в этокое полусонное состояние. Ему было хорошо. Тепло, сытно... так что спустя несколько минут голоса рядом начали доноситься будто сквозь некую пелену.

– ...новое корабельное зенитное орудие... снаряд тоже... да нет... на Северный флот... нет, года два ещё...

А с другого уха чей-то возбуждённый голос вещал:

– ...радиолокационные прицелы! Еле в отсек влезло! Ну да, в тот, в котором дополнительный баллон с кислородом стоял... полтора часа всего... а потом нужно вниз... теперь ночью летать перестанут...

И затем снова:

– Там не один, а три ствола... ну да – по двести двадцать выстрелов в минуту на ствол... шестьсот шестьдесят снарядов калибра тридцать миллиметров в минуту – разве плохо... нет, там же кожух с водой, ну как у «максима», только внутри три ствола, а не один... а ты как думал? Нет, авиационными пушками другое КБ занимается...

Что было дальше, Сашка уже не запомнил. Потому что, судя по всему, уснул прямо за столом. А проснулся уже под утро, на расстеленном на полу матрасе, раздетый и укрытый простынёй и поверх неё одеялом, сшитым из лоскутков. Подняв голову от валика из какой-то телогрейки, подсунутого под ту простыню, на которой он лежал, парень оглядел комнату, в которой спал. В отсвете уличного фонаря, проникавшем через затянутое инеем окно, был виден могучий трёхстворчатый шкаф, за которым, в углу, стояла массивная кровать, украшенная никелированными шариками. На ней, судя по всему, спали Костик со своей Ампи. У противоположной стены горбился небольшой диванчик, на котором, похоже, разместили Виталия. Точно установить в густом сумраке, кто именно там спит, было проблематично. Диванчик для брата-героя оказался

маловат, так что к нему приставили стул, на который можно было положить ноги. Вернее, одну ногу. Вторую Виталья поджал под себя, а вот раненая, похоже, для этого недостаточно сгибалась.

Сашка полежал некоторое время, прислушиваясь к мерному дыханию спящих и едва-едва слышным залпам зениток. Немцы пока не оставили попыток бомбить Москву. Хотя получалось у них не очень. Первый налёт на столицу люфтваффе попыталось осуществить двадцать девятого сентября. Днём. И это оказался единственный раз, когда фрицы рискнули нагло пойти на Москву в светлое время. Уж больно серьёзные потери они тогда понесли. Как сообщило Совинформбюро, немцы отправили в этот налёт двести шестьдесят бомбардировщиков. Похоже, Гитлеру очень сильно хотелось переплюнуть дальнюю авиацию СССР, которая к тому моменту уже четырежды бомбила Берлин. Причём в первом налёте приняло участие аж двести бомбардировщиков. В третьем и четвёртом, правда, всего шестьдесят семь. К моменту этих налётов немцы уже продвинулись настолько далеко, что до Берлина способны были долететь только огромные четырёхмоторные дальние бомбардировщики Петлякова. А их в составе дальней авиации было не так уж и много... Так вот, вечером двадцать девятого сентября торжествующий голос Левитана сообщил, что попытка «немецко-фашистских захватчиков» бомбардировать «столицу нашей Родины город Москву» полностью провалилась. ВВС Западного фронта и ПВО Московского района совершили «более трёх тысяч вылетов», что привело к «уничтожению восьмидесяти семи бомбардировщиков противника, что составляет треть всех самолётов, принявших участие в провалившейся авантюре...» Ещё сколько-то там «приземлили» зенитчики. А главное, о чём сообщил Левитан ликующим голосом в конце репортажа, заключалось в том, что «несмотря на все усилия немецко-фашистских захватчиков, днём двадцать девятого сентября ни одна бомба на территории Москвы не упала». С тех пор прошло более полутора месяцев, и сейчас сказать так было уже нельзя. Бомбы падали. Немного, но пару раз немцам вроде как удалось задеть и весьма важные объекты. Одна бомба даже обрушила тоннель метро... Однако дневных налётов фрицы уже не совершали. А ночью к Москве прорывались только отдельные бомбардировщики. Причём платя за это весьма немалую цену. Нет, столь массовых потерь у немцев больше не было, но каждый ночной налёт всё равно обходился им в один-два сбитых. А если помнить, что в налёты на Москву командование вермахта отправляло самые опытные и умелые экипажи, то эти потери для люфтваффе были очень болезненными...

Незаметно Сашка снова уснул, а проснулся уже тогда, когда встали и все остальные.

Поручение начальника политотдела удалось выполнить достаточно легко. Они как раз собрались на кухне всё за тем же столом на завтрак, когда он изложил Витале просьбу начПО.

- В Подольске, говоришь? - брат-герой задумался. - А что, согласен. У меня с понедельника направление в санаторий, который как раз под Подольском. Так что, если пришлют машину - так я готов. Только... - он слегка замялся, - ты там скажи своим, чтобы легковую. С такой ногой - сам видишь, я в кузове не ездук.

- Угу, - обрадованно согласился Сашка, а потом неожиданно замер. - Виталь, ааа, ты в понедельник на чём в свой санаторий поедешь?

- Автобус будет от центрального госпиталя ВВС, а что?

- Ааа... можно я с тобой?

- Да у тебя ж увольнительная только до двенадцати? - усмехнулся брат. - Ты ж сам вчера говорил.

- Ну-уу... а я сейчас в училище позвоню, спрошусь у начальника политотдела. И это... может, ты к нам сразу в понедельник и заедешь? А потом тебя от училища прямо в этот ваш санаторий на машине и отвезут.

- Ну, если договоришься, то согласен, - добродушно махнул рукой брат-герой. - Да куда ты, оглашенный, сначала завтрак доешь!

- Я потом! - на ходу прокричал Сашка, выскакивая в коридор и хватая с вешалки шинель. - А-а-а, где тут поблизости переговорный пункт?

До переговорного пункта его проводила та самая женщина, которая вчера открыла ему дверь. Она, как выяснилось, как раз на почте и работала.

Всю дорогу она живо расспрашивала его о брате, а Сашка шёл и удивлялся, как это он мог вчера принять молодую и весьма симпатичную женщину за старую бабку... Когда он повинулся ей в этом, она только усмехнулась и махнула рукой.

– Просто устаём очень. У нас в отделении связи только три человека из семи положенных осталось. А работы лишь прибавилось. Семьи-то разорваны оказались. Мужики на фронт ушли, а их бабы здесь. Да и эвакуированных тоже, вон, добавилось. Вот и пишут друг другу. Пенсии, опять же, разносим, похоронки... – тут она замолчала, а потом горько вздохнула. Некоторое время они шли молча, пока Сашка не решился спросить:

– А... у вас тоже кто-то погиб?

Она ответила не сразу. Шагов десять шла молча, а затем глухо произнесла:

– Муж. И брат, – а затем, ещё шагов через пять, добавила: – Муж-то ладно. Мы с ним как кошка с собакой жили. Бил он меня. Из-за этого я весной ребёнка потеряла. Выкидыш. Месяц пластом лежала. Разводиться с ним собиралась, – потом вздохнула: – А и всё равно жалко. Пусть бы его – жил бы где и с кем-то... Но брата больше. Светлый он у меня был, красивый. На гармонии играл. А плясун какой... Все девки на нашей улице по нему сохли. Весной призвали. В зенитчики. Наводчик пулемётной установки. Фотокарточку прислал... А в августе похоронка пришла. Командир их написал. Не ближний, а тот, что побольше. Ближний-то тоже с ними погиб. Бомба прямо в их бронеплощадку попала. Всех вдребезги. Даже похоронить нечего...

На почте, на которой и располагался переговорный пункт, Сашка провёл два часа. Пока дежурный нашёл начальника политотдела, пока всё согласовали, утрясли – пришлось сидеть и ждать. Но зато ему разрешили остаться и прибыть в училище вместе с братом. Даже телефонограмму прислали на продление увольнительной, которую приняла местная дежурная. И заверила своей печатью. Ну, на случай если патрулю попадётся, пока они с Виталей будут до госпиталя добираться. Так что домой к брату он возвращался чуть ли не вприпрыжку. Только военная форма останавливала от того, чтобы бегом не кинуться...

Когда он, довольный, ворвался на кухню, где все обретались по причине отсутствия в комнате достаточного места, чтобы там уместилась такая большая компания, его встретили возбуждённые голоса.

– А я знал, верил, что скоро начнём! – воодушевлённо размахивая рукой, орал артиллерист.

– Молодцы, наши! – вторил ему один из вчерашних лётчиков. – Там же сейчас полярная ночь начинается. Дай бог, пара часов светлого времени всего – а смогли!

– Это точно! – соглашался какой-то пузатый мужчина в очках и с залысинами, которого вчера за столом вроде как не было. Ну, или он пришёл, когда Сашка уже заснул. – Нет, ну какие молодцы – и ведь никто нигде ничего... Вот фрицам сюрприз устроили!

Сашка быстро скинул шинель и присел рядом с Виталием.

– А что случилось?

– Наши десант в тылу у немцев высадили. В порту Нарвик. Целых три бригады морской пехоты со средствами усиления. С Северного, Балтийского и Тихоокеанского флотов. Только что в сводке Совинформбюро передали...

– А это где? – озадачился парень.

– В Норвегии. Вся немецкая армия «Норвегия» отрезана от снабжения. И полностью перекрыты поставки никеля для немецкой военной промышленности. Вот так-то...

Сашка несколько мгновений сидел, ошарашенный известием, а затем расплылся в улыбке.

– Ну, значит, скоро и у нас наступать начнут! Эх, жаль у нас выпуск только в конце декабря. Не успею к наступлению.

– Не торопись, парень, – усмехнулся слегка успокоившийся артиллерист. – На твою долю войны хватит...

– Привет, Эрих. Как фюрер, сильно не в духе?

Стоявший у окна гросс-адмирал и главнокомандующий кригсмарине резко развернулся.

– А, это ты, Франц, – он хмыкнул. – Ну а как ты думаешь? – адмирал покачал головой. – Если бы ты видел, в каком виде от него выскочили Канарис с Гиммлером...

– Выскочили? А сейчас там кто?

– Геринг, – усмехнулся гросс-адмирал. Получив в ответ такую же усмешку. Этого выскочку в высших военных кругах не слишком любили. За кичливость, необузданное стремление к роскоши и привычку всюду подчёркивать свою особую близость к фюреру.

– Ну, если он так «полирует» толстого Германа, то нам, похоже, тоже достанется.

– Может, да, а может, фюрер к тому моменту уже устанет. – Они помолчали. После чего Франц спросил:

– Кейтель там?

– И Йодль тоже. И я удивлён, что ты не там.

– Я только утром прилетел из Рима.

– А-а-а, подготовка к летней кампании в Африке, – гросс-адмирал скривился. – Только, похоже, всё ранее запланированное уже пошло псу под хвост.

– Склонен с тобой согласиться.

Они снова замолчали и некоторое время прислушивались к воплям, доносящимся из кабинета Гитлера.

- Положение действительно такое серьёзное? – через некоторое время спросил Рёдер у собеседника. Тот вздохнул.

- Более чем. Не говоря уж о том, что этим ходом красные действительно прервали нам все поставки крайне важного сырья, без которого не только невозможно производство качественной броневой стали, но и вообще затруднено изготовление наиболее напряжённых элементов конструкции двигателей, компрессоров, трансмиссий и всего такого прочего. Армия «Норвегия» также оказалась полностью лишена снабжения.

- Ну-у, у них же есть какие-то запасы? На первое время...

- Нет, – Франц отрицательно качнул головой.

- Что «нет»? – не поняв, уточнил гросс-адмирал.

- Нет у неё никаких запасов. Все запасы армии «Норвегия» хранились как раз в Нарвике. Там заканчивается железная дорога. И туда же ходили караваны судов, которые вывозили в рейх шведский никель. Это было очень удобно – туда снабжение, а оттуда руду...

- Хм, вот как? Не знал. Но ведь линия фронта проходит почти в шестистах километрах от Нарвика...

- Дальше снабжение перебрасывалось морским каботажом и автомобильным транспортом. Ну и кое-что транспортной авиацией. Которую, судя по тем докладам, с которыми я успел сегодня утром ознакомиться, красные уже помножили на ноль. Как, кстати, и патрульные «Кондоры»... Так что у фон Фалькенхорста в частях максимум недельный запас продовольствия и вряд ли более полутора боекомплектов. На пару хороших боёв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/roman-zlotnikov/shveycarec-voyna>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)